Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ _____
подпись инициалы, фамилия
« _____» _____ 20 ___ г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

46.04.01– «История»
46.04.01.03 – «Отечественная история»

Особенности восприятия коренными народами Приенисейского края российских социальных норм в 1762–1881 гг.

Руководитель _____ канд. ист. наук, профессор Б. Е. Андюсев
подпись, дата

Выпускник _____ Е. А. Ковалев
подпись, дата

Красноярск 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

1. Субъекты социального взаимодействия на территории Приенисейского края 16

1.1. Факторы социального взаимодействия коренного и российского населения Приенисейского края 17

1.2. «Социальные организации» в среде российского и коренного населения Приенисейского рая 21

2. Социальное взаимодействие коренных народов и российского населения 53

2.1. Сферы социального взаимодействия 53

2.2. Правонарушения в среде коренных народов Приенисейского края 69

Заключение 77

Список источниов и литературы 79

Приложение А. Социальный состав и численность городского населения во второй половине XVIII – последней трети XIX вв. 93

Приложение Б. Численность и родовой состав коренных народов Туруханского края во второй половине XIX в. 95

Приложение В. Приговоры северных родов об избрании князцов 96

Приложение Г. Системы государственного управления и самоуправления инородцев в Сибири в XIX в. 99

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования продиктована, в первую очередь, этническими процессами, происходящими в среде коренных народов современного Красноярского края. Многие проблемы, например, стирание культурной идентичности в процессе ассимиляции, отмечаемые исследователями, берут начало в XVIII – XIX вв. Поэтому опыт Российской империи в регулировании жизни этих народов для современности имеет особое значение.

Вместе с тем, в большинстве существующих исследований по данному вопросу акцент делается на административных преобразованиях и официальной колониальной политике. Представители коренных народов рассматриваются в качестве полноправных субъектов социальных отношений преимущественно в рамках этнографических исследований. Это порождает необходимость анализа их субъективной позиции в системе социальных отношений.

В этом же контексте лежит необходимость определения ценности определенных норм для коренных народов и рациональности их использования.

Степень изученности темы. Поскольку в данном исследовании субъектами социальных отношений становятся представители и российского, и коренного населения, необходимо их изучить в равной степени.

Историография исследуемого вопроса разбивается на несколько крупных направлений. Первый включает исследования, посвященные региону в целом. Такие работы начали появляться уже в дореволюционный период[1]. Их главной ценностью можно считать уклон в область статистического описания. Это дает возможность путем сопоставления работ

[1] Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. - 1889. СПб.: тип. и лит. В.В. Комарова. 1889. 298 с.; Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период с 1806 по 1819 г. 1889. СПб.: тип. и лит. В.В. Комарова. 1889. 425 с.; Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее. СПб.: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1892. 467 с.; Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М.: Унив. тип. 1833. 298 с.; Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1–2. СПб.: в типографии Конрада Вигеберга, 2017. 276 с. + 139 с.

из разных периодов проследить эволюцию социального вопроса в регионе. К недостаткам работ можно отнести, во-первых появление их в XIX в., что оставляет не позволит полноценно воспроизвести обстановку последней трети XVIII в. Во-вторых, преобладает исследование южных регионов над северными, при этом главными критериями сравнения становятся экономические и административно-политические показатели. Некоторое отступление представляют работы по отдельным регионам, поскольку в них в равной степени поднимаются этнографические, культурные и бытовые проблемы[2]. В-третьих, касаясь таких общих демографических вопросов, как изменения численности отдельных категорий населения, соотношение городского и не городского населения и т. п., авторы почти не рассматривают процессы, влияющие на меж- и внутрисословную мобильности.

На стыке источников и научных исследований появляются работы в летописном жанре[3]. Несмотря на попытку всестороннего охвата жизни населения, в первом случае на территории Туруханского края, во втором – Сибири в целом, авторы также сделали акцент на развитии экономического и административного пространства. Ограниченное количество освещенных вопросов не позволяет отнести эти работы к источникам. Примечательно, что исследования в данном жанре появляются и на современном этапе, что позволяет говорить о складывании исследовательской традиции[4].

Исследование экономического и административного развития региона продолжились и в XX в.[5]. Примечательной особенностью ряда современных

[2]Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб.: издание Императорского Русского географического общества, на иждивении В. А. Кокорева, 1865. 650 с. Третьяков П. Туруханский край / П. Третьяков // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 215–530.

[3] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов. Красноярск: СФУ, 2016. 850 с.; Щеглов И. В. Перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 г. Иркутск: Издательство Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1889. 784 с.

[4] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. Красноярск, 2011.

[5] Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. Часть 1 (Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках). Красноярск: Бюро краеведения при Красноярск. отд. Рус. геогр. о-ва, 1926; Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. Часть 2 (Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в 19 веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке). Красноярск: Бюро краеведения при Красноярск. отд. Рус. геогр. о-ва, 1928.

работ становится стремление рассмотреть развитие регионов в общесибирском контексте[6]. Однако Приенисейскому региону уделяется гораздо меньшее внимание, чем Западной Сибири или Забайкалью, большая часть выводов распространяется на него автоматически.

Второй блок составляют исследования социальной структуры сибирского общества. В работах, посвященных социальной истории Российской империи появляются разделы, в которых предпринимаются попытки определить место коренных народов среди прочих сословий[7]. Большая их часть базируется на официальных правительственных документах, поэтому не учитывает специфику Приенисейского региона.

Тема социального развития Приенисейского края развивается в многочисленных работах, посвященных изменениям в положении отдельных сословий. Поднимаются вопросы формирования бюрократического аппарата[8], купечества[9], казачества[10], духовенства[11]. В то же время, попытки анализа их взаимодействия в одной среде предпринимаются также преимущественно в области официальных преобразований.

---

[6] Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск: Новое литературное обозрение, 1995. 252 с.; Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

[7] Желтова В. П., Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, Ин-т рос. истории. 2010. 752 с.

[8] Карчаева Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822-1917 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. С. 28–38; Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). / автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.02 / Карчаева Татьяна Геннадьевна. Иркутск, 2013; Коновалов И. А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 400–413; Коновалов И. А. Особенности сибирской полицейской бюрократии в пореформенный период // Гуманитарные и юридические исследования. 2017; Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // [Электронный ресурс]: История Государства. URL: https://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII---pervoy-polovine-XIX-veka/#[10]

[9] Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии: 60-е гг. XIX – начало XX вв. Красноярск, 2000; Туман-Никифорова И. О., Чеберяк Н. В. Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 9. С. 224–230.

[10] Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект). Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2007. 414 с.

[11] Болонкина Е. В., Катцина Т. Ф., Федорченко В. И. Материальное положение православного духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23). С. 44–47

Позиция коренных народов во взаимодействии с российским населением рассматривается преимущественно в этнографических исследованиях. Дореволюционная этнографическая составляющая исследований Сибири в основном оставалась в русле накопления статистических сведений[12]. Важным преимуществом работ XIX в. можно признать описание современного им состояния жизни инородцев с более значительной исторической составляющей, чем в XX–XXI вв. Начиная с 1960-х гг. появилось немало работ, исследующих бытовую и экономическую сторону жизни инородцев[13]. Основным объектом изучения стала материальная культура. Важным следует признать попытку восстановить процессы культурных, бытовых, ментальных и пр. перемен у отдельных народов, однако применяется этот подход в основном к современности с небольшими историческими отсылками[14]. Вместе с тем, можно отметить недостаточное изучение энцев и селькупов на фоне обширной литературы о ненцах, эвенках. Современные исследования, поднимающие проблемы ментальных и бытовых барьеров включения коренных народов в иную социальную среду, развивается преимущественно в формате статей обобщающего характера.

Ещё один блок работ, тесно связанный с предыдущими, составляют исследования эволюции инородческого вопроса в Российской империи. Впервые этих тем касались областники[15]. На современном этапе появляется ряд работ, систематизирующих данные предшествовавших исследований[16]. Однако общей особенностью

[12] Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. XXVIII. С. 25–64.

[13] Алексеенко Е. А. Кеты. Л.: Наука, 1967. 264 с.; Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 305 с.; Хомич Л. В. Ненцы. Историко-географические очерки. М.–Л.: Наука, 1966. 330 с.

[14] Квашнин Ю. Н. Энцы – проблемы и перспективы сохранения этноса // Материалы седьмой всероссийской научно-практической конференции. 2010. С. 96–99; Кривоногов В. П. Народы Таймыра: современные этнические процессы. Красноярск: КГПУ, 2007. и др.

[15] Шашаков С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии. СПб. 1872.

[16] Ковляшкина Е.П. Российская государственная идея и аборигенная политика в Сибири // Обычное право и правовой плюрализм. М., 1999; Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль. Томск, 2005. 239 с.

Процесс контактов с российскими переселенцами во многом изучен неравномерно. Преобладающими сферами в исследованиях являются христианизация, обложение ясаком[17]. На современном этапе эта тема развивается в контексте демографических процессов[18]. Во многом её можно считать преемницей дореволюционных работ, поскольку основное внимание уделено численным показателям уровня рождаемости, смертности и т.п., а не советских, в рамках которых исследование демографических процессов было тесно сопряжено с вопросами этногенеза.

Ещё одним вопросом, отраженным во многих исследованиях, является процесс христианизации коренных народов[19]. Важной особенностью современного периода становится разработка новы проблем: поиска приемлемых форм организации процесса христианизации, особенности восприятия христианства коренными народами и т.д.[20].

Для южной части Приенисейского края объектом исследования становятся отношения между российским и коренным населением в сфере землепользования. Разработка данной проблемы также берет начало уже в дореволюционных исследованиях[21].

Представление о том, что развитию межэтнических контактов способствовала официальная правительственная политика, предопределил

---

[17] Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX начале XX вв. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1983. 136 с. Дамешек Л. М. Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) / автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Дамешек Лев Михайлович. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1987. 453 с.

[18] Быстраков Д. А. Демографические процессы среди коренных народов Сибири / Д. А. Быстраков // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XL международной студенческой НПК. № 3(39). URL: https://sibac.info/archive/social/3(39).pdf; Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998.

[19] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII – XIX вв.) / автореф. дисс. д-ра. ист. наук : 14.10.11 / Асочакова Валентина Нестеровна. Томск, 2011;

[20] Выдрин Е. В. Туруханская походная церковь в системе подобных учреждений Севера Сибири / Е. В. Выдрин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. С. 180–183; Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / А. В. Дулов // [Электронный ресурс]: URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/1_1.html; Комлева Е. В. Из истории миссионерства в Туруханском крае: дело об устройстве Троицкой походной церкви (середина XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. С. 15–22

[21] Григорьев Д. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. СПб.: Типография М. Стасюлевича. 1906.

повышенное внимание именно к этой сфере. Анализ системы судопроизводства «снизу» был в большей степени характерен для дореволюционных работ[22]. В них поднимались проблемы правовой системы коренных народов и её соотношения с российским законодательством. Появляются различные исследования, посвященные официальной политике вовлечения коренных народов в правовое пространство Российской империи[23]. Большая часть данных работ опирается на административный опыт центральных и региональных властей, поэтому играет для данного исследования.

В области управления и самоуправления прослеживается также тенденция оценить уровень организации делопроизводства у инородцев[24]. В развитии данной темы исследования по Приенисейскому краю существенно уступают, например, забайкальским, которые сопровождаются обширными публикациями источников.

Объект исследования – социальные отношения на территории Приенисейского края.

Предмет исследования – процесс усвоения российских социальных норм представителями коренных народов Приенисейского края.

Цель исследования – выявить основные причины, характеристики, технологии усвоения российских социальных норм представителями коренных народов Приенисейского края.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

---

[22] Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского Губернского Управления, 1905. 57 с.; Кузнецова А. А. Кулакова П. Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). Красноярск: Типография Енисейского Губернского Управления, 1898. 298 с.

[23] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990, 204 с.; Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России. Томск, 1985; Наумкина В.В. Обычай как источник права. Красноярск, 2006. 136 с.; Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

[24] Орешкова Ю. А. Архивные документы степных дум и инородческих управ как источник по исследованию органов местного самоуправления на территории Хакасии XIX – начала XX вв. // [Электронный ресурс]. URL: https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/a74/a7468535dc1c6890036c4da33ee0e52d.pdf

- выявить основные субъекты социальных отношений на территории Приенисейского края во 2-й половине XVIII – последней четверти XIX вв.;
- выявить место коренных народов в социальном пространстве Приенисейского края;
- определить характер социальных отношений в исследуемый период;
- определить основные сферы социального взаимодействия коренных народов с российским населением;
- выявить основные модели усвоения социальных норм коренными народами;
- определить характер отклонений от общепринятых норм и правонарушений в среде коренных народов.

Хронологические рамки. На данный период приходится процесс постепенной замены этакратического принципа социальной стратификации экономическим. Это сопровождалось потерей дворянством и духовенством лидирующих позиций и размыванием меж- и внутрисословных границ. С 1762 г. духовенство оказывается первым сословием, вовлеченным в указанный процесс.

Исследователи датируют начало нового политического курса с 1822 г. Вместе с тем, можно считать, что на 1762–1822 гг. приходится крупный этап, на протяжении которого формируются все основные предпосылки для проведения преобразований, оформивших Приенисейский край в единую губернию.

Верхней границей исследования определен 1881 г. – конец правления Александра II, с которым закончились принципиальные преобразования социальной жизни.

Территориальные рамки. Приенисейский край. Данное понятие, скорее, географическое, поскольку на данном временном промежутке нет возможности выделить для данного региона одно территориальное

формирование. Приенисейский регион был объектом частых изменений в сфере территориально-административного деления.

Методология исследования базируется на принципах историзма и объективности.

В работе использованы общенаучные и специальные методы исследования.

Проблемно-хронологический метод проявился в выделении основных сфер социальных отношений, которые рассмотрены в контексте их постепенного развития.

Специальные исторические методы:

- Историко-генетический использован при анализе развития отдельных субъектов социальных отношений в контексте правовых изменений. При этом показана преемственность их нового положения по отношению к предыдущему.
- Сравнительно-исторический метод применялся при сопоставлении законов Российской империи и обычаев коренных народов Приенисейского края.

В исследовании использованы теоретические разработки социологии. Поскольку анализ различных социальных групп лежит в данной сфере, для их обозначения будет использоваться термин «организации». По ходу исследования будет устанавливаться приемлемость его применения по отношению к каждой из них. На личностном уровне использованы установки, сформулированные в рамках теории социального обмена.

Поскольку регулирование общественных отношений лежит в правовой сфере, одним из основных рассматриваемых элементов является нормативно-правовая база. При её рассмотрении особое значение будут иметь методы юридические методы: формально-юридический – для характеристики правовых баз коренных народов и Российской империи, а также сравнительно-правовой для их последующего сопоставления.

Ещё одна методологическая установка состоит в признании существенных различий общественных и правовых баз у северных и южных народов.

Метод анализа был задействован при исследовании степени участия субъектов в социальных отношениях, основных направлений, технологий этого участия.

Метод синтеза использовался при обобщении полученных результатов исследования.

Необходимо также оговориться о значении используемых в работе понятий. Прежде всего, необходимо оговориться о содержании понятия «социальные нормы». Несмотря на расхождение определений в исследовательской литературе[25], общим для них является наличие определенного стереотипа поведения, который регулярно воспроизводится большинством. Нетрудно установить, что подобная модель работает только в простых (и изолированных) обществах, с единой устоявшейся моделью поведения. На первой стадии рассматриваемого периода даже переселенческое общество нельзя было считать единым.

Поскольку анализ различных социальных групп лежит в сфере социологии, для их обозначения будет использоваться термин «организации». По ходу исследования будет устанавливаться приемлемость его применения по отношению к каждой из них.

Поскольку регулирование общественных отношений лежит в правовой сфере, одним из основных рассматриваемых элементов является нормативно-правовая база. При её рассмотрении особое значение будут иметь методы юридические методы: формально-юридический – для характеристики правовых баз коренных народов и Российской империи, а также сравнительно-правовой для их последующего сопоставления.

[25] Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляции поведения / М. И. Бобнева. М.: Наука, 1978.

Ещё одна методологическая установка состоит в признании существенных различий общественных и правовых баз у северных и южных народов.

Из этого сопоставления часто следует взаимосвязь общественного развития и географических условий. Здесь возникают два спорных момента. Во-первых, географический фактор действительно важен, но он играет большую роль при определении типа хозяйствования. В дальнейшем на развитие оказывают влияние иные факторы в зависимости от стадии, на котором находится та или иная общность. Во-вторых, одной из важных особенностей Приенисейского края является его протяженность с севера на юг. Коренные народы отличались по укладу и общественному развитию, но главное, оказывались оторванными друг от друга. Отрицательное влияние такой географической ориентации уже рассматривалось в научной литературе, и в целом его можно свести к следующему: народы, проживающие в одних климатических зонах, реже и труднее идут на контакт с представителями других зон[26]. Видится, что это приобретает особенно важное значение со времени образования Енисейской губернии, оформившего край в единый регион.

Источниковая база исследования включает, прежде всего, опубликованные правовые акты. Их можно разделить на несколько категорий. Первую составляет Законодательство Российской империи[27]. Его анализ необходим для определения общих принципов правового регулирования социальных взаимоотношений. Вторую группу составляют законодательные положения, регулирующие функционирование отдельных

[26] Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Д. Даймонд. М.: АСТ; Corpus, 2010.
[27] Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832. 964 с.; Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека [Электронный ресурс]: Электронная библиотека РНБ. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1; Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека РНБ. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263.

сословий[28]. С их помощью можно проследить, каким социальным стратам отдавался приоритет на официальном уровне. С помощью дальнейшего анализа уровня их развития в Приенисейском крае и степени участия в социальном взаимодействии с другими группами, можно установить соответствие региона официальной политике. В третью группу можно включить публикации правовых норм самих коренных народов[29]. Впрочем, необходимо отметить, что большинство из них приводятся в специальных этнографических работах.

Законодательные акты, изданные монархами, также способствуют определению этапов в развитии законодательства, но играют вспомогательную роль[30]. К вспомогательным источникам также можно отнести различные локальные акты[31]. Подавляющее большинство относится к более ранним временам и способствует выявлению эволюционного аспекта рассматриваемой проблемы.

К опубликованным источникам можно отнести также фольклорные источники[32]. Они частично восполняют нехватку архивных материалов о сферах социального взаимодействия с иными этносами и социальными группами, роль, которую они играли в данном процессе, его основных механизмов и регуляторов.

---

[28] Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб: Типография Правительствующего Сената, 1847; Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. Харьков: А. В. Скалон, 1869. 82 с.

[29] Сборник обычного права сибирских инородцев / Д. Я. Самоквасов . Варшава, 1876; Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576

[30] Законодательные акты Александра III [Электронный ресурс]. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/section/68196; Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 272 с.; Законодательство императора Павла I / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. 304 с; Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. X + 532 с.

[31] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Том III–V. СПб., 1841 г. 614 с.; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том IV. СПб., 1836. 48 с.

[32] Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / ред. Г. М. Василевич. М.–Л.: Наука, 1966; Мифологические сказки и исторические предания нганасан / ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976; Мифы, предания, сказки кетов / ред. Е. С. Новик М., 2001; Фольклор долган / ред. П.Е. Ефремов. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. 448 с.; Фольклор ненцев. В записях 1911, 1937, 1946, 1953, 1965–1987 годов / ред. Е. Т. Пушкарёва, Л. В. Хомич Новосибирск, 2001.

Основную роль среди неопубликованных архивных материалов играют документы инородных управ и Степных дум, в данном случае Качинских[33]. Во многом они дополняются публикациями материалов других управ и дум Приенисейского края в уже отмеченных работах А. А. Кузнецовой, Д. Е. Лаппо и др. Помимо различных статистических данных, позволяющих установить основные тенденции в развитии народов, они содержат также данные об уровне правового регулирования взаимоотношений с иными социальными группами. В этой связи большую ценность представляют дела, посвященные правонарушениям инородцев. Часть материалов из них впервые вводится в научный оборот.

Материалы фондов 117 «Туруханское отдельное управление», 466 «Лузинский хлебозапасный складочный казенный магазин Дудинского участка Туруханского края Енисейской губернии» содержат материалы о коренных народов севера, однако они затрагивают преимущественно экономическую сторону их жизнедеятельности[34]. Также для характеристики социальных групп российского населения использованы фонды:

- 122 – «Красноярская ратуша»[35]
- 173 – «Красноярская городская дума»[36].
- 595 – «Енисейское губернское правление»[37]

Научная новизна исследования заключается, в первую очередь, в том, что предпринята попытка анализа участия представителей коренных народов в процессе социального и этнического взаимодействия в качестве самостоятельных субъектов. Произошел отход от устоявшейся тенденции опоры на официальную нормативно-правовую базу. С этой целью были привлечены социологические подходы, позволяющие проследить процесс формирования субъектов социальных отношений и их включение в общее

[33] КГКУ «ГАКК». Ф 296. Оп. 1; Ф. 303. Оп. 1.
[34] КГКУ «ГАКК». Ф 117. Оп. 1; Ф 466. Оп. 1.
[35] КГКУ «ГАКК». Ф. 122. Оп. 1. .
[36] КГКУ «ГАКК». Ф. 173. Оп. 1.
[37] КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 30, 31, 39.

социальное пространство. Кроме того, для анализа социального взаимодействия привлечены архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот, а также фольклорные источники.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что многие современные процессы, характерные для коренных народов на современном этапе, берут свое начало в рассматриваемом периоде. Вследствие этого, ряд положений данного исследования может быть привлечен к изучению современных проблем. Кроме того, ряд методологических положений может составить основу для более детального изучения процесса интеграции коренных народов Приенисейского региона и Сибири в общее социальное пространство в XVIII–XIX вв.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации отражены в статьях ««Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» и реальность Приенисейского края последней четверти XVIII в.»; «Предпосылки формирования единого социально-экономического городского пространства Приенисейского края к началу XIX в.»; «К вопросу об особенностях статуса коренных народов Сибири (на примере реформаторской деятельности М. М. Сперанского)»[38]. Кроме указанных готовится к публикации статья «Правонарушения инородцев Енисейской губернии по материалам Качинской инородной управы», которая будет опубликована в журнале «Отечественные архивы», включенном в перечень ВАК, в декабре 2019 г.

Структура работы. Диссертация включает введение, две главы, разбитые на два параграфа, заключение, список использованных источников и литературы и приложения.

[38] Ковалев Е. А. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи и реальность Приенисейского края последней четверти XVIII в. // XX Духовно-исторические чтения. 2017. С. 73–79; Предпосылки формирования единого социально-экономического городского пространства Приенисейского края к началу XIX в. // Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. 2017. С. 333–339; К вопросу об особенностях статуса коренных народов Сибири (на примере реформаторской деятельности М. М. Сперанского) // Форум молодых ученых. 2018. № 5 (21). [Электронный ресурс]. URL: https://forum-nauka.ru/domains_data/files/21/Kovalev.pdf

1. Субъекты социального взаимодействия на территории Приенисейского края

Для данного исследования значение имеют следующие характеристики российского законодательства последней трети XVIII – XIX вв. Во-первых, законодательство является сословно дифференцируемым. Это проявилось в появлении законодательных актов, регулирующих жизнь каждого сословия в отдельности. Во-вторых, активно развивается имущественный внутрисословный ценз, что дало ряду исследователей говорить о начале складывания классов[39]. В-третьих, оно было ориентировано на построение идеального общества, что приводил к появлению законов, частично оторванных от реального состояния общества.

Эта особенность привела к появлению уже с 1760-х гг. «ключевых» сословий – дворянства, как политически активного и городского, как активного экономически[40].

Указанные особенности позволили бы считать за организации сословия края. Однако внутрисословное единство здесь отсутствовало. Деятельность населения края ограничивалась рамками населенных пунктов, в которых оно проживало. Некоторое исключение составляло купечество, о чем будет сказано ниже.

Население отдельных населенных пунктов также нельзя считать единой организацией. Деревни были относительно однородными по роду занятий, однако население городов всё ещё не оформилось в единое общество[41]. Более того окончательная систематизация административных отношений происходит с 1822 г. Особенно хорошо это видно из подготовки наказов депутатам и их участию в работе Уложенной комиссии. Таким

[39] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Том 1. / Б. Н. Миронов. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. С. 77, 78.
[40] Императрица Екатерина II. О величии России. М.: Зерцало, 2003. С. 72–156.
[41] Ковалев Е. А. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» и реалии Приенисейского края последней четверти XVIII в. // XX духовно-исторические чтения. 2017. С. 78.

образом, в начале рассматриваемого периода за организации можно считать локальные сословные группы.

Со стороны коренных народов организациями можно считать роды, поскольку в пределах 1-го рода происходила организация хозяйственной деятельности. Кроме того, они также имеют свою локализацию.

Для того чтобы социальное взаимодействие происходило успешно необходимо:

1) организации открыты для взаимодействия;

2) организации находятся в одной системе координат;

3) взаимодействие выстраивается между соответствующими функциональными элементами;

4) нормы должны распространяться теми социальными организациями, которые являются их основными носителями.

1.1. Факторы социального взаимодействия коренного и российского населения Приенисейского края

Естественно, основным фактором, регулирующим процессы социального взаимодействия, стало развитие законодательства Российской империи. Его развитие в рассматриваемый период преодолело 3 крупных этапа. На первом этапе, начавшемся в 1760-х гг. завершилось разрушение этакратического принципа в организации сословной стратификации, заложенного Соборным уложением. В 1797 – начале 1860-х гг. происходит корректировка положений законодательства заложенных на первом этапе. В течение третьего этапа, пришедшегося на 1860-е – 70-е гг., сословия теряют свои основные признаки.

Одной из важных черт законодательства рассматриваемого периода можно считать сословную дифференцированность. В этом законодательство последней трети XVIII – начала XX вв. развилось из норм Соборного уложения, закрепившего разделение населения на группы по функциональному признаку. На этой почве впоследствии формируется

стремление оформить «идеальное общество», в котором ключевую роль будет играть экономически активное городское и политически активное дворянское сословие.

Ещё одно принципиальное нововведение последней трети XVIII в. – внутрисословный имущественный ценз. Принадлежность к какой-либо страте зависела от экономического состояния конкретного человека. В течение XIX в., впрочем, эти границы постепенно стирались.

Новшеством в законотворчестве стало также введение экспериментальных регионов, на которых отрабатывались более масштабные реформы. Для Приенисейского края экспериментами стали создание Сибирского царства в 1763–82 гг. и учреждением Енисейской губернии в 1822 г.[42]. В обоих случаях решались в первую очередь вопрос формирования единого внутреннего экономического пространства. Более локальные проекты – выборы удобных речных путей и т.д. остались нереализованными и оставлены на усмотрение местного населения.

Конечной целью развития сословного законодательства должна была стать выработка общесоциальной правовой системы. Эта направленность должна была реализоваться по результатам сбора данных о юридических законах инородцев. В Приенисейском крае подобная работа началась с существенным опозданием – только после издания «Устава об управлении инородцев»[43]. Отличием Приенисейского края (в данном случае – будущей Енисейской губернии) стала невозможность выработать нормы, охватывавшие все коренные народы. В итоге, эти нормы и не были сформулированы – южные народы подчинили правовым нормам бурят, нормы северных народов. В 1840-е гг. работа кончилась неудачей и завершилась.

---

[42]Быконя Г. Ф. О формировании административно-территориальных границ Енисейской губернии // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краеведческие чтения/ ред. Н. Л. Казачкина, С. А. Кудряшова. Красноярск: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2012. С. 3; Щеглов И. В. Перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 г. Иркутск, 1889. С. 275, 305.

[43] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В. А. Зибарев. Томск: Издательство Томского университета, 1990. С. 10.

Первые существенные перемены в развитии законодательства об этнических меньшинствах происходят в 1760-х гг. Во-первых, в это время окончательно складывается система косвенного управления инородцами[44]. Во-вторых, согласно Манифесту 1766 г. инородцы получили возможность участия в высшем государственном учреждении. Впрочем, народы Приенисейского края не смогли выставить своего депутата. Исследователи утверждают, что их участие было формальным[45]. Однако следует учесть, что Сибирь представляли бухарцы, принадлежавшие к торговой прослойке, т. е. к экономически активному населению. Важным рубежом в развитии законодательства стал 1822 г., с которого исследователи датируют начало целенаправленного включения коренных народов в систему российских социальных отношений.

Анализ социальных взаимоотношений подразумевает отход от официальных норм в сторону реальной практики. Поэтому объектами дальнейшего анализа станут субъекты социальных отношений.

Наиболее исследованным и общеизвестным фактором является географический. Заселению южных регионов во многом способствовало открытие в 1760-х гг. Московского тракта. На сближение северных инородцев с российским населением отчасти оказывала практика принудительного заселения Туруханского края.

Одной из важных особенностей Приенисейского края в данном контексте является её протяженность с севера на юг. Коренные народы отличались по укладу и общественному развитию, но главное, оказывались оторванными руг от друга. Важно отметить, что губерния оказалась протяженной с севера на юг. Отрицательное влияние такой географической ориентации уже рассматривалось в научной литературе, и в целом его можно

[44] Там же, С. 35.
[45] Ислаев Ф. Татары в Екатерининской уложенной комиссии 1767–1768 гг. // Эхо веков. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/02/02_4/

свести к следующему: народы, проживающие в одних климатических зонах, реже и труднее идут на контакт с представителями других зон[46].

Не менее важным фактором, влиявшим на развитие социальных отношений, был демографический. Особенно важное значение он приобретает, поскольку законодательство XVIII в. Окончательно закрепило наследственность сословного положения, официально сохранявшуюся до 1860-х гг. Для коренных народов этот фактор становится более важным, поскольку численность влияла на сближение народов с соседними, усвоение норм и пр. К этому прибавляется гендерный фактор. Неравное соотношение количества женщин и мужчин в одних родах вынуждали идти на браки с представителями других родов. Это порождает ряд взаимосвязанных проблем. Во-первых, на женщинах лежала обязанность первичного воспитания детей. В случае браков с носителями других культур женщины, являясь носительницами культуры своего народа, могут послужить причиной утраты традиций в рамках отдельно взятых семей. Эти проблемы становятся актуальными в свете развития брачных отношений между разными коренными народами. Такая ситуация прослеживалась, например, у нганасан[47].

Важным фактором, определившим закрытость рассмотренных социальных организаций (за исключением чиновников), стали жесткие семейные устои. Передача норм от старших поколений младшим, считается основным механизмом усвоения норм.

Важным механизмом для усвоения социальных норм должно было стать образование. В Приенисейском крае не существовало учебных заведений для развития навыков более сложных, чем элементарная грамотность. Некоторое отличие составляло духовенство, сложившее

[46] Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Д. Даймонд. М.: АСТ; Corpus, 2010.
[47] Симченко Ю. Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера / ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 94–95.

собственную систему обучения. Образования для коренных народов, за исключением отельных проектов в крае также не сложилось.

1.2. «Социальные организации» в среде российского и коренного населения Приенисейского рая

Главная особенность Приенисейского региона заключалась в том, что большинство дворян входили в число чиновников. Чиновники – профессиональная прослойка. Вследствие этого, они оказывались привязанными к своим государственным учреждениям, которые располагались в городах (см. Приложение 1). Поэтому можно говорить о локальной ограниченности действий этого слоя населения. Исключения составляют эпизодические выезды – ревизии, работы землемеров для межевания земли и т.п. [48] Из указанного следует вывод, что группы чиновников различных городов могут выступать в качестве социальных организаций.

Можно говорить, что дворяне Приенисейского края были включены в организацию, созданную искусственно, в рамках которой нельзя было сформировать сословные интегративные институты. Объединяющим институтом для дворян могли стать дворянские собрания, однако в Сибири их не существовало. Они могли возникнуть там, где дворянство имело постоянные интересы. Государственные же учреждения стали средой, в рамках которой они могли взаимодействовать с представителями иных сословий.

В силу указанной особенности, основные цели каждой чиновничьей организации состояли в обслуживании системы административного управления в регионе. Иначе говоря, цели организациям задавались извне. Организации чиновников должны были стать иерархичными. Для

[48] КГКУ «ГАКК», Ф, 296, Оп. 1, Д, 68, Л. 8; Дело по донесению енисейского гражданского губернатора об обозрении им Енисейской губернии. [Электронный ресурс]. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/item/680530.

мобилизации трудовых ресурсов внутри организации иерархия должностей, в соответствии с которой устанавливались объемы жалований. должна была существовать система подготовки кадров.

Относительная численность чиновничества Приенисейского края, особенно в XIX в. стремительно сокращается[49]. Это было связано с общим увеличением численности населения при относительно невысоком увеличении количества государственных учреждений. К концу рассматриваемого периода подавляющее большинство было сконцентрировано в Красноярске – губернском центре (См. Таблицу 2), что подтверждает зависимость от уровня развития государственных учреждений.

Кадровый состав чиновников комплектовался несколькими путями. Во-первых, немалую долю составляли дворяне, присылаемые из европейской части. Из этих кадров формировался преимущественно аппарат губернского управления. Эта категория стоит особняком, поскольку в своем поведении стремились воспроизводить быт, характерный для западного дворянства.

В отличие от европейской части Российской империи, в Приенисейском крае численность потомственных дворян не была высокой. Количество дворян не существенно увеличилась по отношению к другим категориям населения. Так, в начале XIX в. в Енисейске дворян состояло всего 3 м. п. и 16 ж. п., что составляло примерно 0,2 % от всего населения города[50]. В 1870-х гг. потомственных дворян числилось не более 100, т.е. около 1 % от всего населения.

В середине XVIII в. дворяне также присутствовали на территории края, но в составе нерегулярных войсковых частей. Кадры управления формировались преимущественно из военных.

Основным источником доходов было жалование за госслужбу. Важным недостатком являлось то, что ответственность формирования средств лежала

[49] Карчаева Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822–1917 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. С. 38.
[50] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 156.

на горожанах. Вследствие этого выплаты жалований были нестабильными, а сами жалования невысокими. В зависимости от региона, это было более или менее ощутимо. В Туруханском крае, где цены на продовольствие в течение XIX в. были особенно высоки по причине периодически возобновляющегося голода, это сильно било по материальному положению. Туруханский комиссар нижнего земского суда с 1804–5 гг. получал 300 р. при ценах почти в 30 р. за пуд примерно в тот же период.

Вместе с тем, возможности использовать капиталы в Приенисейском крае, кроме как на личные нужды, было ограничены. Легальные коммерческие операции для чиновников были запрещены до 1863 г.[51] У присылаемых из европейской части дворян этот вопрос легко решался благодаря горизонтальной мобильности, которая оставалась высокой даже на рубеже 1870-х – 80-х гг. Из указанного количества дворян домовладельцами считались не более 30% (в зависимости от города). Приезжие дворяне в Сибири не задерживались подолгу на одном месте службы. Это способствовало их отдалению от остальных чиновников[52]. Кроме того, большую роль в этом играл протекционизм.

Земельный вопрос для дворянства стоял наиболее остро. Модель жизни в Сибири противоречила официальному законодательству в сфере организации землевладения. Дворяне стремились воспроизвести европейскую модель хозяйства – формирование крупных земельных владений с крестьянами. Формально это было запрещено, однако вопрос был решен за счет дворовых крестьян. Такие хозяйства возникают уже с XVIII в. и существую на протяжении всего рассматриваемого периода[53].

---

[51] Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. Харьков, 1869. С. 10–11.

[52] Дамешек И. Л. Чиновничество как «высший» класс сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1. С. 51; Коновалов И. А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 407.

[53] Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.: (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: КГУ, 1985. С. 240; Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин СПб.: типография и литография В. А. Тиханова, 1892. С. 451.

Выходцы из местного населения, становившиеся чиновниками, могли принадлежать к любым сословиям. Во многом это соответствовало общероссийским тенденциям[54]. Так, в Приенисейском крае в начале XIX в. насчитывалось 37 чиновников, из которых большинство принадлежало к недворянскому сословию (См. Табл. 1). В целом для рассматриваемого периода характерен невысокий уровень профессиональной компетенции.

Наибольшее количество чинов в уездных учреждениях, находящихся в ведомстве МВД занимали выходцы из казаков и военных. Представители податных сословий преимущественно пополняли штаты канцелярий.

Поскольку речь идет о профессиональной прослойке, единственным механизмом, способным реально обеспечить усвоение соответствующих норм, было образование. Однако в формировании кадрового состава чиновников в регионе не играло существенной роли. Ведущим этот критерий становился при формировании высшего слоя губернской бюрократии. Многие губернские чиновники имели высшее или домашнее образование. Многие из уездных чиновников не были образованными. Чаще всего они имели военное образование. При этом далеко не все были аттестованы. Туруханские в силу нехватки кадров отличались незнанием даже элементарной грамоты.

Ещё один механизм отбора заключался в проверке на подсудность и моральный облик заступавших на должности. Вместе с тем, в силу нехватки кадров он не работал. На роль чиновников могли попасть лица, имевшие судимость[55].

Как можно видеть, указанные механизмы были установлены директивно и во многом не соответствовали практике. Уже упомянутый протекционизм и высокая роль личных качеств показывают, что личностный фактор у сибирского дворянства играл ведущую роль.

---

[54] Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // URL: https://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII---pervoy-polovine-XIX-veka/#[10]

[55]

Очевидно, что принцип ценности являлся определяющим в действиях дворян. Основные действия в финансовой сфере относились к правонарушениям, но они во многом были продиктованы потребностью поправить финансовое положение. Отсутствие систематических наказаний, вызванные уже упомянутой нехваткой кадров, и готовность населения к даче взяток привели к превращению. Случаи дворянского мелкопоместного землевладения

Отдельно стоит группа дворян, прибывающая в Сибирь поправить свое материальное положение и дослужиться до нового чина, поскольку большую роль для них играет принцип насыщения.

Можно сделать следующие выводы. Во-первых, чиновничество является профессиональной прослойкой, поэтому не может являться полноценным субъектом социальных отношений. Во-вторых, в случае с дворянством не работает один из основных принципов, заложенных в 1760-х – 80-х гг. в российском законодательстве: дворянство не стало ключевым сословием в регионе. Органы управления стали всесословными. Чиновничество в меньшей степени соответствовало «организации». Кроме того, ограниченная локализация действий чиновников предопределило их отрыв от большей части населения.

Можно говорить, что чиновничество не выработало механизмов усвоения норм и целеполагания. Основная его деятельность лежала в адаптационной сфере и нацелена на мобилизацию ресурсов. Это во многом определило характер интеграции в общесоциальное пространство.

Прежде всего, необходимо оговориться, что городское сословие не совпадает с самим населением городов вплоть до 1870-го года. В первом случае речь идёт об экономически активной прослойки горожан, ставку на которую делала Екатерина II в своем «Наказе». Доля представителей городского сословия от всех жителей городов в последней трети XVIII в. не превышала трети (См. Табл. 1).

Городское население Приенисейского края так же, как и дворяне обладали широкими социальными и политическими возможностями. При этом очевидно, что основной центр тяжести приходится на купеческую активность. Купцы от Красноярска и Енисейска приняли участие в работе Уложенной комиссии[56].

Законодательное ограничение вертикальной внутрисословной мобильности началось при Павле I в., который начал закреплять таких купцов в мещанах[57]. В 1824 г. купцам 1-й гильдии было запрещено переходить во 2-ю, если они не были в ней 3 года[58]. Преобразования 1863 и 1870 гг. ознаменовали стирание межсословных границ в пределах города. В первом случае происходит упразднение 3-й купеческой гильдии с распределением экономических функций между всем населением города[59]. Во втором – формирование всесословных органов самоуправления.

Развитие системы городского самоуправления позволяло горожанам сформировать свои организации. Городские думы были сформированы в Красноярске с 1785–86 гг. и Енисейске с 1798 г.[60] существовали городские думы, в Туруханске – ратуша. Содержание этих органов было возложено на самих горожан. Вместе с тем, наличие таких органов не свидетельствует в пользу единого городского пространства. Представительство в таких органах было незначительным[61]. При этом ведущая роль отводилась купцам[62]. Общегородское пространство разрушалось также благодаря возможности раздельных собраний представителей каждой категории горожан. Политическая активность в пределах городов оставалась низкой даже в конце

[56] Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии / П. Головачев. М.: Типография В. Ф. Рихтера, 1889. С. 124 – 127.
[57] КГКУ «ГАКК». Ф. 173. Оп. 1. Д. 3. Л. 45.
[58] ПСЗРИ, Т. 39. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=181&regim=3
[59] Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии: 60-е гг. XIX – начало XX вв. : автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук. : 07.00.02 / Никифорова Ирина Олеговна. Красноярск, 2000. С. 18.
[60] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края / Шанин В. Я. 1207–1834 гг. Красноярск: Тренд, 2011. С. 322.
[61] КГКУ «ГАКК». Ф. 122, Оп. 1. Д. 54. Л. 1, 3, 5, 6.
[62] КГКУ «ГАКК». Ф. 122. Оп. 1. Д. 16. и т.п.

изучаемого периода (Табл. 4). Ведущая роль в них по-прежнему оставалась за крупными торговыми элементами.

Таблица 1. Численность гласных в составе органов самоуправления, установленных по реформе 1870 г.[63]

Город	Всего обывателей		Количество гласных			
	Имело право на участие в выборах	Участвовало в выборах	1871 г.		1875 г.	
			Дума	Управа	Дума	Управа
Ачинск	329	86	-	-	30	5
Енисейск	901	129	54	9	42	9
Канск	174	55	-	-	30	6
Красноярск	517	136	36	8	42	17
Минусинск	492		-	-	36	6

Изменения численности представителей городского сословия в отдельных городах объясняется в первую очередь высокой горизонтальной мобильностью населения. Особенно актуально это было для последней трети XVIII – первой четверти XIX вв., что было связано с тем, что вплоть до 1822 г. экономическая и административная структура региона находились на стадии формирования.

Формирование экономической структуры региона играло ведущую роль именно для городского сословия в силу его специфики. Увеличение населения, занятого в сельском хозяйстве на юге, и снижение промыслового потенциала на севере предопределило соответствующие географические сдвиги в расселении. Помимо того, что все новоприбывшее население стремилось заселить в первую очередь южные округа, туда же стало постепенно смещаться население уже сформировавшихся городов[64].

Помимо миграций важным демографическим фактором поддержания численности городского сословия был институт семьи и брака. Особенно это было характерно для крупных купеческих династий. Учитывая, что занятие торговлей относится к профессиональной деятельности, этот способ преемственности социального статуса для купцов оказывался

[63] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 221–222, 229, 242, 251, 257

[64] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 131.

неэффективным. Таких в регионе насчитывалось около 40[65]. На протяжении исследуемого периода количество купеческих фамилий постепенно сокращается. Так, в Красноярске сокращение их количества происходит с 39 в 1782 г. до 35 в 1795 г., причём из них только 20 – старые. К середине XIX в. из них лишь 18,2% продолжали принадлежать к купечеству[66].

Доступ в состав купечества был открыт для всех сословий. Треть купеческих кадров были выходцами из мещан[67], не меньшая часть – из крестьян. Численность дворян, переходящих в состав купечества была незначительной, хотя с 1807 г. такая возможность законодательно оформилась.

Первоначально образование не играло ведущей роли для формирования состава купечества. Первые специальные коммерческие училища начали открываться только с 70-х гг. XVIII в. Среди купечества даже на рубеже XVIII–XIX вв. большой процент составляли неграмотные. Большее значение образование приобретает для стремления закрепить сословный статус за членами своей семьи. Дети купцов, уже закрепившихся в этом статусе получали домашнее, а в конце XIX в. и высшее образование.

Свобода от рекрутской повинности избавила купечество от внешнего фактора, влиявшего на их численность.

Основными занятиями городского сословия законодательно считались ремесло и коммерция. Основным ресурсом для городского сословия выступали финансы. Основным средством их пополнения, как и последующего приложения, были торговые операции. Поэтому ведущее значение для оформления локальных групп городского сословия играло товарное пространство.

---

[65] Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии: 60-е гг. XIX – начало XX вв.. Красноярск, 2000. С. 19; Терскова А. А. Духовное сословие второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010. С. 223;

[66] Разгон В. Н. Преемственность капиталов сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв., 2005. С. 152–155.

[67] Туман-Никифорова И. О. Социальная мобильность купеческого сословия (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 11. С. 317.

Ведущую роль в реализации товаров играли частные лавки и т. п., однако больше половины их располагались в городах. Похожие заведения существовали и в деревнях. При этом их открытие не являлось исключительной привилегией купечества. Лавки и питейные заведения могли открывать и крестьяне и инородцы[68]. Сеть постоянных торговых заведений составляла нижний уровень в иерархии торговых отношений, в которую были вовлечены все слои населения. Ко второй половине XIX в. относят складывание относительно устойчивой сети постоянных торговых учреждений.

Отличительной функциональной особенностью купечества являлось то, что они служили связующим звеном в товарообороте между регионами. Этому способствовала система ярмарок. В начале рассматриваемого периода оживленные располагались в пределах городов. Однако уже в середине XIX в. деревенские ярмарки начинают играть гораздо большую роль[69]. Ярмарочная система вовлекала местное население в товарные отношения.

Товарная специализация, позволила бы говорить о складывании локальных группировок горожан. Однако говорить о ней можно преимущественно в контексте сопоставления севера и юга. В данном контексте Туруханск край имел особое положение, поскольку местное хозяйство было промысловым почти полностью, сельское хозяйство оставалось слабо развитым и в начале XIX в.[70]. Более того, в годы голода на севере зерно служило главным ввозимым, а не поставляемым товаром. Товары юга были представлены преимущественно сельскохозяйственным сырьем, региональные отличия лежали в сфере объемов поставок. Примечательно, что к середине XVIII в. для Енисейска и Красноярска уже была характерна ремесленная специализация. Однако к концу 1870-х гг.

[68] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 100. Л. 38.
[69] Болонкина Е. В. Уровень развития ярмарочной торговли в Енисейской губернии во второй четверти XIX в. // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краеведческие чтения. Красноярск, 2012. С. 11.
[70] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 180

промышленное производство обеспечивало преимущественно внутренний рынок[71]. В начале 1860-х гг. во всей губернии насчитывалось 126 заводов и фабрик, почти поровну в городах и за их пределами[72]. Количество последних было меньше. Предприятий обрабатывающих сельскохозяйственную продукцию было менее всего, что полностью не соответствует указанной специфике округов губернии.

В пользу экономической замкнутости региона говорят также выступления против проникновений в сферу их интересов коллег из др. регионов[73]. Начиная с 1760-х гг. купечество открыто выступает за монополии в обороте отдельных товаров, прежде всего вина.

Крупной торговлей на практике занимались не все представители купечества. Данная тенденция прослеживается для всего периода. Их доля составляла примерно 60 % от общего числа крупных гильдейцев. Большая часть занималась мелкими «мещанскими промыслами».

Помимо товаров и капиталов вставал вопрос о земельных ресурсах. Городская застройка всегда строго регламентировалась. На 1 человека всегда полагалось 1 место под дом[74]. Для большинства занимающихся ремесленным производством эти же дома служили мастерскими. Кроме того, многие мещане также занимались сельским хозяйством. Особенно остро этот вопрос стоял на севере, где большая часть мещан оказывалась вынуждена проживать вне города, чтобы постоянно заниматься хозяйством[75].

Мобилизация трудовых ресурсов для производства товаров для местного рынка находилась на низком уровне. Поставщиками сельскохозяйственного сырья было крестьянское население, а на местных

[71]Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 218.
[72] Памятная книжка Енисейской губернии. СПб: Типография И. Огризко. 1863. С. 136–137.
[73] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 194.
[74] КГКУ «ГАКК», ф. 122, оп. 1, д. 8, л. 5.
[75] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 255.

промышленных предприятиях работало крайне незначительное количество рабочих.

Таким образом, можно говорить, что у подавляющего большинства представителей городского сословия не сложилось систематических механизмов усвоения норм. Критерии образования обретают важное значение с постепенным закреплением за городским сословием роли экономического обеспечения региона. Свободная вертикальная и горизонтальная мобильность свидетельствуют в пользу высокого значения личного фактора.

Формальная цель, заданная сословию законодательным состоит в обеспечении функционирования экономического пространства региона. На практике к ней прибавлялось стремление сформировать собственные капиталы и увеличить привилегии при переходе в вышестоящую страту. Отсутствие политической и общественной активности не позволяет оценить городское сословие рассматриваемого периода в качестве полностью единой организации. Скорее речь идет об отдельно взятых активном меньшинстве и пассивном большинстве, объединенных одной средой. Относительно единое экономическое поле говорит о появлении таких организаций в пределах отдельно взятых округов .

Ведущим принципом, определяющим действия личности, становится принцип ценности. Коммерция давала возможность обеспечить материальное процветание. В силу большого количества экстремальных факторов, связанных с рискованностью операций, необходимости профессионального образования, чрезвычайных сборов, необходимости содержать органы управления и самоуправления и т.п. приводили к тому, что принципы стимула, успеха и насыщения играли существенную роль только для состоявшихся купцов.

Духовенство оказалось первым сословием, с которого начались полномасштабные социальные преобразования последней трети XVIII в. при этом вплоть до 1860-х гг. их положение оставалось практически неизменным.

Локальные группы духовенства формировались в населенных пунктах по мере их возникновения. На нижней ступени стояли священники церквей в селах. На рубеже XVIII – XIX вв. такие церкви строились почти ежегодно[76]. Вторую категорию составляет духовенство городов (см. Таблицы 1–3.). Третью – черное духовенство при монастырях. Отдельными организациями можно считать миссии к коренным народам.

Ранние ревизии населения не дают подробных сведений о численности духовенства и распределении его по разрядам. В целом на 1824 г. общая численность по Енисейской губернии составляла 505 мужчин и 615 женщин[77]. При соотношении этих данных можно увидеть, что общая численность духовенства увеличилась на 561 чел. за 37 лет

В XVIII в. духовенство частично пополнялось за счет выходцев из податных сословий. Это коснулось округов, рост населения в которых опережали темпы увеличения его численности. Однако уже к середине XIX в. среди священнослужителей Енисейской губернии не было представителей других сословий[78].

Образованность являлась отличительной общероссийской чертой духовенства. На территории Приенисейского региона уже в 1759 г. появилась латинская школа. Вместе с тем, многие священнослужители не доводили до конца учебу в семинариях. Постепенное распространение светского образования привело к увеличению числа представителей духовенства, получавших его вместо духовного.

Ещё одним важным механизмом формирования духовенства стала семейная преемственность. В XVIII в. складываются крупные потомственные династии духовенства[79].

---

[76] Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период с 1806 по 1819 г. / В. К. Андриевич. СПб.: типография и литография. В. В. Комарова. 1889. С. 184.
[77] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Т. 2. СПб., 1854. С. I.
[78] Терскова А. А. Духовное сословие второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2010. С. 220.
[79] Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2012. С. 67.

Вплоть до 1880-х гг. большая доля священнослужителей приходилась на приезжих из европейской части Российской империи[80].

Территориальное деление и структурная организация периодически менялось. В 1768 г. приенисейское духовенство было лишено собственной митрополии [81]. Павел I установил, что территории епархий должны соответствовать территориям губерний и приенисейское духовенство стало подчиняться Томской епархии, а с 1822 г. - Иркутской[82]. Важным для духовенства стало также учреждение Енисейской епархии, отделенной от Томской в 1861 г.[83] Можно говорить, что в 1860-х – 80-х гг. происходит постепенное замыкание духовной сферы в пределах Енисейской губернии.

Исходя из отмеченного выше, можно говорить, что финансы оказывались ведущим ресурсом в жизни духовенства. Прежде всего, на содержание духовных учреждений отпускались деньги по штатам. При этом на протяжении XIX в. штаты неуклонно увеличивались. Кроме того, жизнедеятельность духовенства напрямую зависела от количества прихожан, т.к. от них поступали взносы. Поэтому одной из целей, совпадающей с официальной политикой[84], было увеличение количества христиан. Также региональные различия проявились в размерах жалования. У туруханских и минусинских миссионеров жалование было больше, у красноярских – отсутствовало, поскольку город считался самодостаточным.

Виды поступлений разнились в зависимости от округа. Причтовые и церковные поступления играли важную роль для всех приходов во всех округах. Сдача земли в аренду обеспечивала пополнение финансов в Ачинском, Енисейском округах. Для Ачинского, Минусинского округов

---

[80] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.) : автореф. дисс. д-ра. ист. наук : 14.10.11 / Асочакова Валентина Нестеровна. Томск, 2011. С. 27.

[81] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207-1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011.. С. 274.

[82] Дулов А. В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX века. Иркутск, 2006.

[83] Щеглов И. В. Перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. Иркутск: Издательство Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1889. С. 602

[84] Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576. § 292

важную роль играли кружечные сборы. Туруханск стоял особняком, поскольку местному духовенству с 1834 г. назначались вспомогательные пособия[85].

Несмотря на это, участие их в торговых операциях, за исключением продажи свечей и т.п., законодательно была запрещена. Отмены не последовало даже после введения Городового положения. Фактически землевладение духовенства сохранилось в рамках монастырского[86], а также владения священнослужителями небольшими участками земли. Однако, считать землю ресурсом «организаций» можно только в первом случае. На 1760-е гг. приходится законодательное сокращение ресурсного потенциала духовенства. Секуляризация земель и закрытие «нерентабельных» монастырей лишали его земельных наделов и крестьянских рабочих рук[87]. Впрочем, Приенисейский край оказался мало затронут этой практикой.

В результате отличительной чертой Приенисейского духовенства была низкая материальная обеспеченность даже во второй половине XVIII в. Ещё в 1767 г. в одном из наказов в Уложенную комиссию предлагалось наделять священников пахотными землями[88].

Различием в условиях юга и севера стала трудность в организации постоянно действующих духовных учреждений. Прежде всего, это было обусловлено немногочисленностью населения отдельно взятых сел. Кроме того, большую часть северного населения составляли народы, не принадлежавшие к оседлым. Это привело к попытке учредить стабильно

---

[85] Болонкина Е. В. Материальное положение православного духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9. С. 46.

[86] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594-1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 118.

[87] Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2012.; Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 124

[88] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 122, 123.

действующую миссию в Туруханском крае в 1852–73 гг.[89] Миссионеры в Сибирь утверждались Синодом.

Официально провозглашенной целью духовенства было распространение через распространение религиозных норм регулировать социальное поведение людей. Для её реализации духовенство располагало сетью специальных учреждений, которая постепенно разветвлялась и приобретала новые формы. Таким образом, духовенство изначально должно было ориентироваться на интеграцию в общесоциальное пространство. Выделение отдельной епархии, которая обособила Приенисейский регион, позволяло сконцентрироваться на внутренних задачах. Однако отсутствие стабильной ресурсной базы и системы формирования кадров, подрываемой во второй половине XIX в. повышением вертикальной и горизонтальной мобильности приводили к замкнутости духовенства и поиску новых средств для своей деятельности. Вместе с тем, можно признать, что в отличие от чиновников и горожан, духовенство обладало более развитой системой усвоения норм, присущих данному сословию.

Численность казаков в Енисейском и Туруханском регионах была незначительной. В начале XIX в. их числилось около 650 м. д.[90]. к рубежу 1870-х – 80-х гг. казаков на территории Енисейской губернии насчитывалось 7100 м. д. и 5190 ж. д.[91].

Помимо переселяющихся казаков, их количество пополнялось за счет включения енисейских киргизов, ссыльных, отпущенных арестантов. Несмотря на увеличение численности можно отметить явное неравенство в соотношении полов. Очевидно, что казаки должны были идти на межсословные браки. В конце XVIII в. у большинства казаков жены

[89] Комлева Е. В. Из истории миссионерства в Туруханском крае: дело об устройстве Троицкой походной церкви (середина XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. С. 21.
[90] Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период с 1806 по 1819 г. / В. К. Андриевич. СПб.: типография и литография. В.В. Комарова. 1889. С. 82.
[91] Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин. СПб.: типография и литография В. А. Тиханова, 1892. С. 450.

происходили из тягловых категорий населения[92]. В следствие этого сибирские казаки XIX в. мало походили на западное казачество, женщины в быту больше походили на крестьянок. В силу этого можно говорить, что казаки в Приенисейского края адаптировались под нужды и условия региона. Вместе с тем в течение XIX в. усиливается закрытость, основная часть браков осуществляется внутри казачьих поселений.

Система образования для казаков развивалась медленно. Служилый характер сословия предопределил разграничение мужского и женского воспитания. Школьное образование для казаков начинает стабильно развиваться во второй половине XIX в.[93].

Первое официальное законодательство, регламентирующее жизнь сибирских казаков, было издано только в начале XIX в. – в 1808 г. принимается Положение «О Сибирском линейном казачьем войске»[94], которое официально закрепляет за сибирским казачеством все сословные права и привилегии. Фактически с этого момента можно говорить о завершении формирования территориально замкнутой служилой корпорации. Региональную замкнутость казаки Приенисейского края получают с 1822 г. с созданием Енисейского казачьего полка[95].

Неполнота положений официального законодательства привела к появлению региональных законов, разрабатываемых в пределах отдельных линий[96]. Однако их целью было совершенствование административной структуры. Хозяйственные и т. п. нужды затронуты не были.

Казаки формировали свою линию на границе, что подтверждало статус казачества как «охранного» сословия, однако войскового статуса в XVIII в. ещё не имели. Большинство казаков проживало в отдельных поселениях уже

---

[92] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011. С. 304

[93] Колупаев Д. В. Образование в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. С. 106–112.

[94] Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб. 1847.

[95] Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин. СПб.: типография и литография В. А. Тиханова, 1892. С. 450.

[96] Андреев С. М. Управление в Сибирском линейном казачьем войске в пореформенный период // Военно-юридический журнал. 2006. № 9. С. 29.

в начале рассматриваемого периода. В дальнейшем эти поселения превращаются в обособленные станицы. Небольшую часть составляли казаки, проживающие в населенных пунктах по причине исполнения там служебных обязанностей[97]. В данном контексте Туруханский край отличается от южных регионов, т. к. казаки на его территории занимали большую часть должностей в госучреждениях[98].

В 1860-х гг. в социальном статусе казаков происходят перемены. В 1861 г. регулярная 30-илетняя служба заменена периодической происходит постепенное разрушение характера сибирских казаков как регулярного служилого сословия[99]. Кроме того с 1850-х гг. у казаков вводятся элементы самоуправления. Действия их ограничивались станичным уровнем, который одновременно являлся экономической единицей. Указанные меры позволяют говорить о попытках развития экономической самостоятельности казачества.

Казачество оказалось единственным сословием в Приенисейском крае, ресурсный потенциал которого был развит в полной мере. Казаки являлись землевладельцами. На этой почве у них часто возникали споры с городским населением о правах на выгоны[100]. В последней трети XVIII в. эти споры решались преимущественно без участия официальных властей. Законодательство начала XIX в. устанавливало четкое размежевание земли между казаками в зависимости от чина, контроль и осуществление этих норм осуществлялся внутри каждого полка в отдельности[101]. Кроме того существовал земельный резерв на случай увеличения численности казачьего населения.

Источники финансовых поступлений были менее стабильными. К ним принадлежали доходы от коммерческих операций, финансовых сборов,

---

[97] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг./ В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011. С. 277.
[98] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 767.
[99] Щеглов И. В. Перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. Иркутск: Издательство Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1889. С.
[100] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 139–143.
[101] Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб. 1847. С. 86–87.

отбывание службы и повинностей, отчисления с ясачных сборов. Все статьи доходов кроме последней не были четко фиксированы. Вследствие этого казаки стремились использовать все методы их увеличения, вплоть до противозаконных[102]. Отдельно стоят казаки Туруханского края, которые получали жалование за несение службы в государственных учреждениях.

В организации труда казацкие хозяйства также не были замкнутыми организациями. Южные казаки часто прибегали к труду инородцев. Исключение составляли выходцы из крестьянской среды. На севере многие казаки проживали в городской черте. В Туруханске в конце 1870-х гг. они составляли самую крупную категорию домовладельцев[103].

Основной официальной целью казачество являлась служба. В отличие от чиновников она была организована по территориальному принципу. Боевой менталитет казачества во многом способствовал соответствующей расстановке приоритетов. Вместе с тем, можно отметить высокую роль адаптивных механизмов. Материальные нужды, часто меняющийся состав сословия способствовали доминированию адаптивных механизмов над остальными.

Большая часть интегративных механизмов была создана законодательным путем. На практике устойчивые интегративные институты оставались в рамках военной сферы. Остальные способы взаимодействия были эпизодическими. Этому способствовало постепенное замыкание административной сферы в пределах Приенисейского региона и хозяйственной в пределах станиц[104].

Выработка механизмов усвоения норм оставалась замкнутой внутри локальных казачьих групп. Отдельные меры по организации единого кадрового образовательного центра в Омске практически не влияла на ситуацию.

---

[102] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 576.

[103] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 256.

[104] Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. Новосибирск: Наука, 1981. С. 208.

Высокая роль адаптивных механизмов, а также казачий менталитет предопределили высокую роль личностного начала. Ведущими в социальных действиях можно считать принципы ценности и стимула.

Крестьянство оказывалось одним из самых многочисленных сословий в Приенисейском крае. В ряде населённых пунктов они доминировали над остальным населением. К концу 1790-х гг. в Приенисейском крае только государственных крестьян насчитывалось 39976 душ.[105]. Уже в конце рассматриваемого периода их насчитывалось около 750000 душ[106].

Основным источником пополнения крестьянского населения являлась ссылка. В 1760-е гг. появляется большое число законодательных актов, позволявших помещикам ссылать своих крестьян. Обязанность по обустройству посельщиков на местах лежала на городах – для их обустройства выделялись средства из городской казны[107]. Кроме того, власти практиковали создание казенных поселений для их проживания.

Для демографических процессов характерны противоречивые тенденции. Формирование устойчивой старожильческой прослойки к началу рассматриваемого периода говорит о развитии устойчивых семейных институтов[108].

Вместе с тем, на севере наблюдается противоположная ситуация. Большая часть населения базировалась на юге. Для заселения региона предпринимались принудительные меры

Ведущим механизмом усвоения общественных норм являлось воспитание внутри семьи. Образовательные учреждения в деревнях существовали уже в XVIII в. – к середине 1770-х гг. числилось 28 церковно-приходских и 33 сельских школ[109]. Однако обучение в них велось не

[105] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск, 2011. С. 309.
[106] Зинченко Т. Енисейская губерния / Т. Зинченко. Полтава: Типография И. Фришберга. 1911. С. 5.
[107] КГКУ «ГАКК», ф. 117, оп.1. д. 17.
[108] Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII–90-х гг. XIX вв. : автореф. дисс. канд. ист. наук : 07.00.02./ Андюсев Борис Ермолаевич. Красноярск, 2002.
[109] Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин. СПб.: типография и литография В. А. Тиханова, 1892. С. 455.

систематически, а крестьяне не стремились отдавать детей на обучение. С течением времени в деревнях открывались новые школы, но преимущественно церковно-приходские, в силу чего поправить положение удавалось плохо, даже несмотря на открытие в Красноярске и Енисейске учебных заведений для подготовки педагогов.

Большая часть крестьян проживала в селах и деревнях. Другую категорию составляют крестьяне, проживающие в городах. Как можно видеть из таблиц 1–3. В ряде городов численность крестьян увеличивается незначительно при стремительном уменьшении их доли от всего городского населения. Третью категорию составляют крестьяне Туруханского края, живущие в отдельных станках в 2–4 дома[110]. В данном случае речь идет преимущественно о жителях северной части края, поскольку их быт и хозяйственный уклад разительно отличаются от традиционного крестьянского уклада. И ещё одну категорию составляют дворовые и приписные крестьяне, поскольку они были заняты обслуживанием чужого хозяйства.

Динамика общественных процессов может быть прослежена только в отношении государственных крестьян. Относительно единое крестьянское сословие оформилось с начала 1860-х гг. с проведением политики секуляризации и выведением из крестьянской среды иных категорий населения – разночинцев и пр.

В последней трети XVIII в. у государственных крестьян наблюдалась некоторая доля политической активности. От енисейских крестьян были отобраны 3 депутата и составлено около 30 наказов в Уложенную Комиссию, однако депутаты в её работе участия так и не приняли. Небольшое количество компетентных чиновников привело к тому, что выходцы из государственных крестьян принимали участие Часто они принимали участие

[110] Третьяков П. Туруханский край // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 361–362.

в работе местных органах власти – казенных палатах и т.д.[111]. органы самоуправления у крестьян появились только с 1860-х гг. К этому времени говорить об общественной активности сложно, поскольку на практике органы самоуправления часто бездействовали и не выполняли возложенные на них функции[112].

Государственные крестьяне обладали землей на условиях во многом схожих с европейской частью Российской империи. Среди них не было индивидуальных пользователей землей. Это помогало в условиях отбывания повинностей – ямской и др.[113]. Окончательно волостные общины складываются к концу XVIII в.

Проводившееся в Приенисейском крае межевание земли напрямую касалось крестьян-старожилов. С 1783 г. введены должности уездных землемеров[114]. Примечательно, что местное старожильческое население необычайно болезненно реагировало на любые посягательства на свою землю, часто выступая против незаконных переделов.

Поправить финансовое положение крестьяне могли в первую очередь за счет торговли. Этому способствовала, с одной стороны, система ярмарок (См. выше), с другой – сырьевая специализация региона.

Поскольку крестьяне являлись полностью зависимой категорией населения, то возможности по привлечению внешних рабочих ресурсов были ограничены. Работа на крестьянских землях распределялась преимущественно в рамках общин. Внешние механизмы, определяющие размеры наделов отсутствовали и в XVIII и в XIX вв. Впрочем, в XIX в. уже становится заметно имущественное расслоение и появляются отношения зависимости внутри крестьянской среды.

---

[111] КГКУ «ГАКК», ф. 117, оп. 1, д. 39, л. 2, 12, 17.
[112] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 68. Л. 62 и др.
[113] Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова / ред. А. В. Алесандров. М.: Наука, 1967.
[114] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011. С. 291.

Уклад крестьян, проживающих в городах (См. Приложение 1), во многом походил на уклад горожан. В XVIII в. приенисейских городах оформилась практика деления посада на сельский и городской, причем первый существенно преобладал – в 1784 г. он составлял 92, 4%, а в 1895 г. – 79, 1%[115]. В 1870-х гг. в число городских домовладельцев входило около 20 - 30 % крестьян. Городовое положение 1870 г. отменило сословные границы между категориями горожан, и крестьяне окончательно влились в общее городское пространство. Вместе с тем возможность участвовать в самоуправлении они не получили по причине имущественного ценза.

Таким образом, 2 рассмотренные группы крестьянских организаций характеризуются относительно устойчивым экономическим развитием при слабой политической активности. В целом адаптивные механизмы у них выражены намного сильнее остальных в силу постоянно обновляющегося состава. Вплоть до реформ 1860-х гг. у крестьян отсутствовали постоянно действующие интегративные институты. Отсутствие устойчивого образовательного пространства и систематических отношений с государственными учреждениями привели к закреплению за семьёй и религией основных воспитательных функций. В итоге основная цель крестьян заключалась в сырьевом обеспечении региона. Вместе с тем, общинное хозяйственное устройство ставило целью обеспечение жизнеспособности общины.

Третью группу составили крестьяне, приписанные к заводам или обслуживавшие хозяйства представителей городского и дворянского населения. Первые долгое время оставались немногочисленными, поскольку промышленность и в XVIII и в XIX вв. оставалась развитой слабо. Существенные сдвиги в количественном выражении произошли с 1830-х гг. с развитием золотопромышленности. Вторые были представлены дворовыми и незначительной прослойкой крепостных – такие были всего в 2-х хозяйствах,

[115] Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. Новосибирск: Наука, 1981. С. 218.

сохранявшихся вплоть до 1860-х гг. Общим для этих групп стала локальная ограниченность реализации их экономических функций.

Развитие адаптивных механизмов у таких организаций не доминировало над остальными. В большинстве случаев производство осуществлялось на основе разработанных и устоявшихся технологий. Исключение составляли времена, когда на приисках проводились технологические эксперименты. Устойчивых механизмов для усвоения моделей поведения не сложилось. Специальное образование для крестьян отсутствовало, как и семейное воспитание. К тому же состав рабочих периодически обновлялся – с одной стороны, этого требовал постепенный рост предприятий и приисков, с другой – частые случаи бегства самих рабочих. Дворовые и помещичьи крестьяне в хозяйстве больше походили на государственных крестьян.

Отдельную группу формируют крестьяне, расселившиеся вдоль Енисея на территории Туруханского края. Население одного такого станка включало 2–6 человек. Многие из них сформировались вследствие принудительной политики переселения. Схожие хозяйства образовывали и туруханские мещане, которые были вынуждены заниматься промыслами на значительном отдалении от города[116]. Условия для традиционного хозяйствования оказывались мало пригодными, в силу чего таким организациям приходилось приспосабливаться к среде проживания. По этой причине у таких крестьян сложилось промысловое хозяйство, целью которого становилось самообеспечение, а стабильное землепользование отсутствовало. В результате, организации стали абсолютно замкнутыми. Семья занимала лидирующие позиции в усвоение моделей поведения[117]

Таким образом, общим для рассмотренных категорий крестьянских организаций характерны региональная замкнутость, отсутствие устойчивых

[116] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 255

[117] Третьяков П. Туруханский край // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 368.

механизмов усвоения норм социального поведения, высокая роль адаптационных механизмов, преобладание направленности на самообеспечение. Региональные различия проявились главным образом в уровне общественной интеграции. Относительно единое и развитое экономическое пространство юга предопределило включение крестьян в торговые процессы в качестве производителей поставщиков сырья. На севере такие институты для крестьян отсутствовали.

Прежде всего, необходимо определить, насколько инородцы были включены в эту систему социальной стратификации. Существует мнение, что инородцы, начиная с 1822 г. формируются в отдельное инородческое сословие[118]. Термин «сословие» действительно встречается в «Уставе»[119]. Однако есть основания полагать, что это было обусловлено, с одной стороны, историческим контекстом (См. выше), а с другой – необходимостью обозначить инородцев в качестве полноценного элемента социальной системы.

Т.е. наличие законодательной базы считается достаточным основанием, чтобы говорить о складывании сословия. Вместе с тем, необходимо указать на остальные признаки сословий: 1) наследование социальных прав; 2) сословные организации на различных уровнях административного деления (уездный, губернский, всероссийский); 3) наличие сословного менталитета; 4) права на участии в местном управлении и собственное самоуправление; 5) внешние признаки сословной принадлежности[120]. Необходимо рассмотреть каждый признак в отдельности, чтобы установить, насколько корректно называть инородцев сословием.

---

[118] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII - начало XX века). М., 2010. С.

[119] Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576

[120] Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Том 1. СПб., 2000. С. 86.

Большинство народов Приенисейского края вошло в состав бродячих и некоторые – кочевых. Ниже речь пойдет об инородцах этих разрядов, поскольку их права и обязанности отличались от российского населения.

1. Действительно, можно говорить о наследовании прав и привилегий бродячими и кочевыми инородцами. Но содержание этого признака существенно различается у инородцев и других сословий. Более того, инородцы также пользовались возможностями социальной мобильности.

2. Вторым критерием принадлежности к сословной структуре считается наличие соответствующих организаций на различных административных уровнях. Система административного деления у инородцев была иной. Со 2-й половины XVIII в. начинают создаваться инородческие волости[121], объединявшие инородческое население (даже в рамках нескольких административных единиц), в одну функциональную «корпорацию». Вместе с тем, можно отметить, что распределение по волостям происходило в зависимости от специфики экономической деятельности и во многом напоминает сословную стратификацию. Институт старших или почетных родовичей также не соответствует «корпорации», поскольку обусловлены родовыми началами.

3. Самым спорным критерием выглядит наличие сословного менталитета.

Одним из основных проявлений менталитета у коренных народов севера Приенисейского края можно считать семейный. Для последней трети XVIII и XIX вв. характерно постепенное обособление отдельных крупных и малых семей, называвшихся по именам их глав[122]. Также ментальными особенностями обладали различные хозяйственные группы внутри родов.

[121] Корусенко С. Н., Марганова Ф. Ф. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) // Вестник Омского университета. 2016. № 2. С. 196, 199.
[122] Васильев В. И. Ненцы и Энцы // Этническая история народов Севера / ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 70, 71.

4. Инородцы не имели представительства на всех уровнях административного деления. Можно отметить один случай реального присутствия инородцев в высшем учреждении – Уложенной комиссии 1867 – 68 гг., где присутствовали представители бухарцев от Сибирской провинции (в которую входил Приенисейский край)[123].

Другой случай представительства зафиксирован уже на региональном уровне – в начале 1820-х гг. депутаты от инородцев представляли в Комитеты сведения о своих юридических нормах[124]. Итогом этого стало собрание информации об инородческих обычаях и законах, которые впоследствии так и не были кодифицированы. В дальнейшем инородцы не привлекались к обсуждению правовых преобразований даже на региональном уровне[125].

Рассмотренные прецеденты не оказали значительного влияния на развитие социальных отношений у народов Приенисейского края. В обоих случаях речь не идёт о коренных народах этого региона. Более того, многие правовые изменения шли вразрез с традициями народов[126].

5. «Внешние признаки» для кочевых и бродячих инородцев определены в § 170 «Устава» и включают отсутствие постоянного места жительства, невысокий уровень гражданского образования, особые обычаи, нестабильную экономическую систему и отдаленность от коммуникаций[127]. Перечисленные критерии, за исключением географических, можно считать, скорее, этническими, чем сословными.

Сказанное выше не позволяет говорить об инородцах как о сословии. Скорее речь идет об этнических меньшинствах, которым в силу ориентации

---

[123] Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии / П. Головачев. М.: Типография В. Ф. Рихтера, 1889. С. 124–127.
[124] Сборник обычного права сибирских инородцев / Д. Я. Самоквасов. Варшава, 1876.
[125] КГКУ «ГАКК». Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204. Л. 1–8.
[126] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В. А. Зибарев. Томск: Издательство Томского университета, 1990. С. 42, 43.
[127] Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576. § 170.

законодательства придали социальный статус, т. е. этносоциальных общностях.

Коренные народы распадаются на северные, в которых остались сильными родовые начала[128] и южные, которые в рассматриваемый период во многом походили на российское население[129]. Исходя из этого, можно говорить о различной организационной структуре у коренных народов.

Кочевой образ жизни предопределил привязанность южных народов к определенному типу местности. С образованием Енисейской губернии коренные народы оказались ограничены пределами одного региона. Вследствие этого можно говорить об их локальной ограниченности. Северные народы, которые в силу своего статуса – почти все они были бродячими[130] – не были ограничены ни действиями органов самоуправления, ни территориальными границами, более свободно перемещались. Однако не могли выйти за пределы природных зон, которые определили их систему хозяйствования. Самая продолжительная миграция по линии север – юг зафиксирована для кетов, однако, большую долю в хозяйстве которых составляло рыболовство, и продвигались они вдоль Енисея[131].

К началу рассматриваемого периода коренные народы были немногочисленны. Для демографических процессов рассматриваемого периода характерны противоречивые тенденции. С одной стороны, исследователи отмечают в целом положительную динамику численности населения[132]. С другой – активные ассимиляционные процессы привели к потере этнической идентичности. Наглядно это прослеживается на примере браков. В 1830-е гг. более 90% браков заключались на основе степных

[128] Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982.
[129] Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. Новосибирск, 1998. [Электронный ресурс]. URL: https://sibac.info/studconf/social/xl/48609
[130] Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. XXVIII.
[131] Алексеенко Е. А. Кеты / Е. А. Алексеенко. Л.: Наука, 1967. С. 23–24.
[132] Бутанаев В. Я. Хакасы // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.–Улан-Удэ, 1995. С. 146.

обычаев[133]. За период 1858–1890-е гг. количество браков с представителями иных сословий составило до 2000[134]. К концу рассматриваемого периода в Енисейской губернии наблюдается подавляющий численный перевес переселенцев над коренным населением. У северных народов браки заключались преимущественно с представителями других родов[135].

Образование и грамотность была относительно распространена у южных народов[136]. Преимущественно к российской грамоте приобщались дети хакасской знати. При этом распространение получило и домашнее и школьное образование. Иначе говоря, в хакасской среде присутствовали образовательные интеграционные институты, подкрепленные личной их инициативой. Рост уровня образованности наблюдается для всего XIX в. Религиозное воспитание могло иметь значение только для коренного населения, проживавшего в одних поселениях с переселенцами. Большую часть южного коренного населения составляли кочевники, вследствие чего стабильное распространение грамотности через церковно-приходские, как и светские образовательные учреждения было практически невозможно. Даже в конце XIX в. приобщение к российской культуре носило чисто символический характер. Ещё хуже с организацией образования обстояло на севере. Вовлечение в образовательный процесс коренного населения здесь происходило в рамках отдельных проектов, инициированных местными купцами (См. ниже). Все они окончились неудачно.

В силу указанных причин представляется возможным опираться на стратификацию, включающую коренное население, проживающее совместно с переселенцами и членов родов, входящих в более крупные родовые общности. Промежуточное звено составляли представители коренных народов, возвращавшиеся в свои поселения после браков с русскими. Однако

[133] КГКУ «ГАКК». Ф. 303. Оп. 1. Д. 9. Л. 91.
[134] Бутанаев В. Я. Хакасы // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.–Улан-Удэ, 1995. С. 135.
[135] Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 81,
[136] Самарина Е. В. Хозяйственная и предпринимательская деятельность баев в XIX веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (186). С. 44.

поскольку они отказывались от кочевого скотоводства, их можно причислить к первой категории.

Первая группа коренного населения обладала правами, аналогичными крестьянским. В деревнях и происходила основная часть ассимиляционных процессов. Отмечено, что к концу XIX в. у таких инородцев отсутствовали представления об этнической идентичности. Одними из наиболее ассимилированных считают качинцев и бельтиров.

Общественная активность коренных народов оставалась невысокой. Остяки и эвенки имели возможность выставить депутатов в Уложенную комиссию, однако по прошению местной администрации были от неё освобождены[137]. Официальная система самоуправления у коренных народов была введена только в 1822 г. Кроме того коренные народы региона не принимали участия в сборе данных о правовых и социальных обычаях.

Административные преобразования XIX в. касались преимущественно коренных народов юга. Именно там были созданы три ступени органов самоуправления. Для северных коренных народов были введены только административные роды, искусственно объединившие семейные коллективы.

Выделение родов во многом носило формальный характер. Очевидно неравномерность распределения по родам, численность населения в которых колеблется в пределах от нескольких сотен до полутора тысяч чел., что характерно и для XVIII[138] и для XIX вв.[139] На практике представители многих южных родов продолжали проживать смешанно. На севере данная практика встречала трудности. Поскольку северные территории были разбиты в качестве промысловых наделов между отдельными семьями, появления в них представителей других народов приводило к жестким вооруженным

[137] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 119.
[138] Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея / Е. К. Яковлев. Т. 1. Минусинск: Типография В. И. Корнакова, 1990. С. 12.
[139] КГКУ «ГАКК». Ф. 303. Оп. 1. Д. 9. Л. 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24.

столкновениям, вплоть до середины XIX в.[140] Как правило, они возникали с приходом на устоявшиеся места кочевий народов, мигрировавших из других регионов.

В целом землевладение у южных и северных народов было организовано по схожим принципам. Земля находилась в коллективной собственности у крупных родовых общностей, внутри которых распределялась между родами. С 1822 г. произошло законодательное определение принципов землепользования[141]. Фактически родам принадлежала вся государственная земля в данном регионе. Впрочем, права на владение этими землями на юге существенно подрывались из-за постоянного притока нового населения.

Кочевое животноводство – оленеводство на севере и скотоводство на юге стало ещё одним фактором, определившим локальную ограниченность проживания северных коренных народов. Это проявилось по мере их расселения. Народы, у которых оно было основной отраслью, расселялись по линии запад – восток, поскольку отклонения в южную сторону затрудняли оленеводство.

Денежные отношения в Приенисейском крае были развиты на юге. Основным источником доходов были торговые операции. Немалая доля денег шла в уплату ясака[142]. На севере финансы по-прежнему отсутствовали. Вместе с тем, уже в начале XIX в. у каждого народа сформировались отрасли, которые давали товары для обмена с соседними народами. В итоге часть предметов быта и орудий труда производилась для непосредственного использования в хозяйстве, а другая – для обмена на более другие орудия, которые также применялись в хозяйстве.

Распределение трудовых обязанностей напрямую зависело от занятий каждой отдельной семьи. Отмечается, что расслоение более характерно для

[140] Сказки и предания нганасан. М.,1976. С. 263–271; Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 76.
[141] Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576. § 31, 32.
[142] Костров Н. Бельтиры // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 49. С.

общин, специализирующихся на охоте. Это объяснялось необходимостью иметь в числе мужского населения способных заниматься этим без отрыва на другие работы и удаляться от мест проживания.

Вместе с тем, следует оговориться, что ряд признаков не позволяет говорить о существовании только хозяйственной стратификации. Наличие состязательного боевого компонента, предметов вооружения, не связанных с бытом и промыслами – защитного доспеха и отлаженной системы боевых действий позволяет говорить о зарождении у северных нардов прослойки, ответственной за военное дело. Отдельно стоят эвенки, фольклор которых также доносит информацию о сторожах» [143]. Позднее, в процессе формирования этноса, эту особенность восприняли долганы[144]. Сам долганский этнос демонстрирует последствия объединения в пределах одной общности слов, специализирующихся на различных хозяйственных сферах – помимо сторожей-оленеводов в его составе выделяется также крестьянская группа, состоявшая из российских выходцев.

Можно говорить, что хозяйства северных коренных народов носили замкнутый характер. Нестабильность промыслов и оленеводство требовали постоянного поиска ресурсов, что приводило к постоянным перемещениям. Вследствие этого адаптивные механизмы играли ведущую роль. Это привело к тому, что интегративные механизмы, такие как система меновой торговли, разделение территорий между родами и пр. были направлены на обеспечение хозяйственных нужд отдельных родов-организаций. Четкая организация хозяйственных функций позволяла сформироваться системе усвоения норм, но только в пределах сложившейся хозяйственной модели. На юге ресурсные потенциалы были больше, однако это привлекало переселенцев, вследствие чего коренным народам требовались более развитые модели интеграции.

[143] Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. / ред. Г. М. Василевич. М.–Л., 1966. С. 359.
[144] Попов А. А. Материалы по родовому строю долган [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhamemory.ru/liter/book/dolganika/19.pdf. С. 119.

Искусственно такая модель была создана в рамках развития системы самоуправления.

Личностная инициатива во многом оказалась подавлена следствие коллективного способа ведения хозяйства. На севере она нарушалась вступлением в браки с представителями иных организаций, образованием независимого рода, изменением мест кочевий или образа жизни, но такие случаи были немногочисленны. Юг оказался более открыт для внешнего взаимодействия, поскольку местные народы находились в непосредственной близости к российским переселенцам.

Можно сделать следующие выводы. Прежде всего, социальное пространство Приенисейского края было неоднородным. Субъектами социального взаимодействия стали профессиональные, сословные и этнические организации. Во-вторых, в Приенисейском регионе и в XVIII и в XIX вв. организации носили замкнутый характер. Основными механизмами стали адаптивные, что объясняется отсутствием стабильной системы пополнения «кадров» и ресурсов. В итоге, большая их часть была нацелена на обеспечение собственной ресурсной базы, что отразилось на сформированных интеграционных институтах. Усвоение социальных норм протекало в первую очередь в семейной среде, распространение их через образовательные и т.п. учреждения было несистематическим и малодоступным.

2. Социальное взаимодействие коренных народов и российского населения

2.1. Сферы социального взаимодействия

Прежде всего, необходимо отметить, что, в силу указанной причины, северные народы были втянуты в контакты с российскими организациями неодинаково. Самыми изолированными оказались нганасанские роды. На протяжении всего рассматриваемого периода основное взаимодействие происходило между авамским и вадеевским родами, а также соседними самоедами. Исключением стаи долганы, которые процесс формирования которых приходился на последнюю треть XVIII – первую половину XIX вв. подавляющее большинство контактов с российским населением зафиксировано для остяцких народов и эвенков.

Поскольку чиновники – профессиональная прослойка, то основной сферой контактов с остальными организациями является сфера административного управления. Конкретными её проявлениями были сферы служебной иерархии и делопроизводства.

В течение последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. отношения в данных сферах не были упорядочены. Единственными аналогами должностных лиц были родоначальники и знатные родовичи, осуществлявшие судопроизводство внутри родов[145].

Официальная линия взаимодействия с родоначальниками сводилась к поддержке их наследственной власти. Перемена в политическом курсе была вызвана тем, что родовые общества в административном отношении окончательно замкнулись себе. С развитием самоуправления у южных народов возникает трехступенчатая сеть учреждений (См. Приложение 4), у северных – только инородные управы. На севере вводились должности

[145] Сборник обычного права сибирских инородцев / ред. Д. Я. Самоквасов. Варшава, 1876. С. 13.

князцов. Исследователи права отмечают несоответствие вводимой должностной структуры должностей реально сложившейся практике родового управления[146].

Административный статус князцов не сочетался с родовой структурой обществ коренных народов. До их введения на межродовом уровне рассматривались вопросы столкновения интересов отельных семей. Основная хозяйственная деятельность организовывалась в пределах семей, включающих небольшое количество родственников, преимущественно отца, братьев, сыновей, племянников[147]. В силу этого статусы «князцов» в XVIII – начале XIX вв. передавались по наследству[148]. С закреплением за князцами функции постоянного распределения ясачной нагрузки должна была сформироваться стабильно действующая должность. На практике этого не произошло – выборы и крупные разбирательства приурочивались к крупным событиям, когда у семей была возможность собраться, в противном случае разбирательства перекладывались на глав семей.

Документы, зафиксировавшие первые выплаты ясака свидетельствуют, что за большую часть родов ясак внесли не князцы, а посредники из казаков или крестьян[149]. Данная ситуация прослеживается для народов, проживающих в отдалении – нганасан, энцев и долган, а также части эвенков. Это говорит, во-первых, в пользу отсутствия у ряда северных народов систематических контактов с чиновниками. Во-вторых, подтверждает высокую роль географической локализации. Порядок уплаты ясака оставался практически неизменным на протяжении XVIII[150]–XIX вв. – роды оставались закрепленными за определенными центрами, в которые

---

[146] Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В. А. Зибарев. Томск: Издательство Томского университета, 1990. С. 95.

[147] Алексеенко Е. А. Кеты / Е. А. Алексеенко. Л.: Наука, 1967. С. 33; Попов А. А. Материалы по родовому строю долган [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhamemory.ru/liter/book/dolganika/19.pdf; Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Ч. 2. Л. 1984. [Электронный ресурс]. URL: http://www.shalagram.ru/knowledge/nganasany/otnosheniya_rodstva.htm.

[148] Симченко Ю. Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 93.

[149] КГКУ «ГАКК» Ф. 117. Оп. 1. Д. 567а. Л. 23–25.

[150] Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. / Э. П. Зиннер. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1968. С. 221.

вносили пушнину, затоваривались необходимым, после чего вновь отправлялись кочевать. Специфика Туруханского края проявилась в том, что управление такими учреждениями здесь осуществляли казаки Можно также предполагать, что коренные народы не восприняли идею о посреднической роли князца.

Главная нормативная установка в данном случае заключалась в ликвидации наследственной власти и распространении принципов ротации кадров. На практике это предполагалось только в отношении южных народов. Тексты северных приговоров свидетельствуют, что главными причинами избрания новых князцов (См. Приложение 3) становились смерть или болезнь предыдущих. Такие причины указываются и у южных народов, однако закон предполагал 3-хлетний срок исполнения обязанностей.

Важным фактором, подрывающим основы устойчивых административных отношений, являлись отношения внутри рода. Ярмарки и выплаты ясака становились практически единственными событиями, на которые собирался весь род или несколько родов. Выборы на должности, как и встречи с казаками и миссионерами приурочивались к таким собраниям.

Делопроизводство первых пореформенных лет характеризовалось отсутствием внимания к формальным деталям. В ранних приговорах – 1820-х – 30-х гг. – указывалась только общая информация – кто избран, и при каких обстоятельствах. Стандарты делопроизводства требовали также информации, был ли новый кандидат родственником предыдущего, есть ли за ним правонарушения и т. д. Это несоответствие порождало дальнейшую переписку окружного начальника с управой для уточнения сведений[151]. Отсутствие четкой структуры и формата оформления приговоров также свидетельствует в пользу невысокого значения делопроизводства. Немногочисленность материалов по вопросам делопроизводства у инородцев севера не позволяет сделать вывод, насколько эта сфера эволюционировала в

[151] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 803 л. 9–24.

дальнейшем. Учитывая отсутствие стабильных контактов, вероятнее всего, подобные неточности сохранялись на протяжении всего периода

Похожую ситуацию можно отметить и на юге[152]. Из документов южных управ можно заметить, что, несмотря на продолжительный срок их существования и привлечение на должности письмоводителей грамотных людей из мещан, ошибки в составлении документов сохраняются даже в 1870-е гг. Вместе с тем, документы инородных управ на протяжении XIX в. сохраняют четкую структуру и официальный язык.

Единственными чинами в составе органов инородческого самоуправления на юге, занимаемыми представителями российского населения, были письмоводители. Примечательно, что на юге должность письмоводителя считалась достаточно авторитетной. По некоторым перепискам можно установить процесс борьбы систем назначений и выборов[153]. Зачастую это приводило к совершениям правонарушений (См. ниже). Вместе с тем, обязанности письмоводителей исполняли не профессиональные чиновники, что затрудняло распространение делопроизводственного опыта.

На юге делопроизводство Инородных управ в целом соответствует процессу эволюции организаций государственных крестьян. С появлением крестьянского самоуправления развивается переписка инородных управ с соответствующими волостными органами но ограничивается преимущественно вопросами сыска и судопроизводства[154]. Характер переписки позволяет говорить, что недостаточное развитие делопроизводства характерно не только для органов инородческого самоуправления инородцев. Крестьянские волостные правления также зачастую не реагировали должным образом на запросы коренных народов[155]. Вместе с тем, Инородные управы и Степные думы юга, находясь в постоянном взаимодействии с российским

[152] КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 3. Л. 60; КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 56. Л. 102; Д. 60. Л. 1–3.
[153] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 60. Л. 13, 15; Ф. 303. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 4.
[154] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 61. Л. 4–5, 36; Д. 100. Л. 51–52 и т. д.
[155] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 68. Л. 62;

населением, имел наглядные примеры, поскольку крестьянские старосты всегда проходили процедуру избрания и утверждения старост.

Инородцы, слившиеся с крестьянским населением, были включены в систему самоуправления только в ходе реформ 1860-х гг. Материалы Качинской инородной управы во многом затрагивают оседлых инородцев.

Организация самоуправления показывает, что основные вопросы, по которым происходило взаимодействие с чиновниками, лежали в сфере судопроизводства. Законодательство предусматривало разделение правонарушений на проступки и преступления. Первые разбирались по нормам обычного права[156], вторые – по общим законам. Практика показывала, что большая часть правонарушений разбирались на уровне Управ без обращения в вышестоящие инстанции[157]. Правонарушения северных народов доходили до окружного начальства в основном случайно[158].

Можно охарактеризовать процесс усвоения административных взаимоотношений северными коренными народами следующим образом. Прежде всего, инородцы воспринимали лишь часть стандартов поведения в административной сфере. Вернее всего предположить, что члены родов воспринимали процесс утверждения князцов как чистую формальность, поэтому не придавали значения делопроизводственным деталям. Во-вторых, воспроизведение указанных норм в среде коренных народов, происходило путем приписывания. Непривычность и неактуальность новой системы взаимоотношений для большинства народов привела к простому копированию основных институтов без попыток выработать механизмы необходимые для их функционирования. Формально индивидуализм в таких отношениях был подавлен принципом сменяемости власти с одной стороны

[156] Наумкина В.В. Обычай как источник права. Красноярск, 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://sci-book.com/gosudarstva-prava-teoriya/organyi-mestnogo-upravleniya-sudoproizvodstva-71887.html
[157] Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905. С. 17.
[158] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 391.

и высокой ролью родовых начал – с другой. На практике имела место борьба за должности, особенно развившаяся в органах самоуправления на юге, что позволяет говорить о высокой роли индивидуального начала.

Главной причиной сбоев в функционировании указанной сферы является отсутствие представителей профессиональной прослойки в местах проживания инородцев. Отсутствие у чиновников четко ограниченных организаций привело к тому, что взаимодействие с коренными народами происходило эпизодически.

Отдаленность коренных народов от городов предопределила невысокую степень взаимодействия с городским сословием. В первую очередь необходимо обратить внимание, что в Ачинске и Красноярске в XIX в. отмечено проживание небольшого количества инородцев (См. Приложение 1). На момент превращения Ачинска в уездный город в 1822 г. в нем числилось 2 «туземных капитала 3-й гильдии»[159]. Вернее всего предположить, что речь идет о бухарцах – на данный момент у них уже сформировалась устойчивая торговая прослойка. В 1870-х гг. в Красноярске насчитывалось 15 инородцев обоих полов[160]. Вместе с тем неясно, были ли они домовладельцами, и какие функции исполняли. Возможно, их представляли качинцы, которые к данному времени считались наиболее ассимилированным из хакасских народов. Так или иначе, на основании приведенных данных нельзя говорить об устойчивых контактов инородцев с горожанами.

Более всего в контактах с коренными народами было задействовано купечество. Сферой, непосредственно связанной с купечеством являются торговые отношения. В данном случае под усвоением норм можно считать, во-первых вовлечение в систему товарно-денежных отношений, и во-вторых, формирование модели поведения, соответствующей российским торговцам.

[159] Степанов А. П. Енисейская губерния / А. П. Степанов. Ч. 1. СПб.: Типография Конрада Вигеберга, 1835. С. 113.
[160] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 216.

Вплоть до 1920-х гг. деньги у северных народов почти не получили распространения. Основным способом обмена оставался товарный[161]. В отличие от бухарцев у большинства северных народов не сложилась торговая прослойка. Этому способствовали несколько ключевых факторов.

Процесс натурального обмена мало освещен. Некоторые урывочные сведения второй половины XVIII в.[162] позволяют примерно его восстановить. Хозяйственная активность сосредоточена в пределах семьи. Товарная отрасль напрямую взаимосвязана с текущим состоянием хозяйства. Члены семьи, добывают продукты данной отрасли, имеют свою долю и на этой основе в равной степени становятся субъектами товарного обмена. Это подтверждается тем, что многие операции в местах проживания коренных народов происходят коллективно. Поскольку основным товаром для российских купцов и казаков является пушнина (несмотря на все ограничения), субъектами торговли становятся мужчины-охотники.

Чрезмерный спрос на пушнину истощал хозяйства семей. Прежде всего, это коснулось остяцкие народы – селькупов, кетов. С одной стороны, это было вызвано большой разницей в ценах на меха разных зверей, с другой стороны сами семьи повышали долю товарной добычи пушного зверя, ориентируясь на спрос. В этом можно видеть выход за пределы стандартной экономической модели коренных народов – ориентация не на собственные нужды, а на внешний спрос.

Вместе с тем, развитие торговых отношений не привели к вовлечению северных народов в торговые отношения. Во-первых, народы были вовлечены в них неравномерно. Уже во второй половине XVIII в. неэффективными торговыми партнерами считались эвенки, поскольку не испытывали нужды в основных российских товарах[163]. В XIX в. таким народом считались нганасаны, поскольку оленеводство обеспечивало их всем

[161] Алексеенко Е. А. Кеты / Е. А. Алексеенко. Л., 1967. С. 31–33.
[162] Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. / Э. П. Зиннер. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1968. С. 221, 225.
[163] Там же, С. 225, 226.

необходимым[164]. Пушной зверь, добываемый остяцкими народам, в первую очередь кетами обладал крайне низкой стоимостью. Хозяйства юраков – ненцев также считались низко развитыми. Кроме того, приобретение жизненно важных продуктов самими инородцами происходило не за деньги. Стоимость хлеба и т. п. вычиталась из ясачных взносов[165].

Интегративным институтом для реализации промысловой продукции выступают ярмарки. Для северных народов такой ярмаркой была туруханская[166]. Однако уже в начале XIX в. её значение существенно снизилось вследствие истощения запасов пушнины. Торговля в не ярмарочное время официально запрещена с 1820-х гг.

Снижение ярмарочной активности относится не только к Туруханскому краю (См. выше). Фактически во второй половине XIX в. произошла замена крупной, но нестабильной ярмарочной на мелкую, но постоянную розничную торговлю. Южных инородцев этот процесс стороной не обошел. В инородческих деревнях возникали питейные и пр. лавки[167], причем их хозяевами становились не только выходцы из городского сословия, но и сами инородцы. Немногочисленность письменных свидетельств не позволяет однозначно говорить, развили ли инородцы данную систему отношений или просто воспроизвели крестьянскую модель. В текстах приговоров можно встретить простую констатацию разрешения на открытие заведений, конкретные данные и условия отсутствуют. В силу этого можно склониться более к тому, что инородцы скопировали эти элементы системы торговых отношений с устоявшихся крестьянских образцов.

Торговые отношения у хакасов, сохранивших кочевой уклад, развивались несколько иначе. Торговля, как и у северных народов,

---

[164] Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае / А. Мордвинов // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. XXVIII. С. 44.
[165] КГКУ «ГАКК». Ф. 471. Оп. 1. Д. 2. Л. 22, 23.
[166]Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 256.
[167] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 64.

базировалась на производительности семейного и родового хозяйства. Однако здесь сложилась прослойка баев, положение которых в XIX в. во многом определялось имущественным цензом[168]. То, что главным параметром имущественного ценза стало поголовье скота, а не объем капиталов отличало баев от купцов. Очевидно, что кочевые хакасы включались в систему торговых отношений, сохраняя базовые принципы формирования товарного пространства.

Вместе с тем, можно отметить, что в XIX в. у баев наблюдается ряд процессов, характерных для российского купечества. Во-первых, наблюдается ориентация товарного пространства на потребителя. Рост поставок продуктов скотоводства тесно связывают с ростом золотодобычи, повлекший увеличение переселения в южные регионы края. В дальнейшем это привело к их разорению и смене ведущих торговых фамилий. Вероятно, с этим связана практика формирования ссудно-сберегательных обществ в 1870-х гг. при Инородных управах. Это повышало роль личностного фактора в усвоении купеческой модели социального действия. Уже в 1880-х гг. отмечается выход экономической деятельности хакасских баев за рамки собственных хозяйств и вовлечение их в меценатство.

Примечательно, что у остяков тоже отмечены единичные случаи появления состоятельных торговцев[169]. Однако, учитывая, что его состоятельность определялась уровнем развития хозяйства, нет оснований полагать, что он воспринял установки поведения российского купечества.

Можно сделать вывод, что усвоения норм социального поведения российского купечества в Приенисейском крае не сложилось. На севере они напрямую противоречили способам организации хозяйства и реализации его продукции, которые не давали сложиться индивидуальным предпринимателям. Сохранение обменных торговых отношений было удобно

[168] Самарина Е. В. Хозяйственная и предпринимательская деятельность баев в XIX веке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (186). С. 42
[169] Мифы, предания, сказки кетов / ред. Новик Е. С. М.: Наука, 2001. С . 213, 299.

и коренным народам и российским купцам. На юге купеческие торговые нормы воспринимались уже сложившейся экономически активной прослойкой. Можно говорить, что нормы воспринимались избирательно и были призваны усовершенствовать торговлю у хакасов. При этом действия в рамках собственных хозяйств свидетельствуют в пользу того, что каждый бай сам определял необходимые для него стандарты социального действия. Главной причиной успешного обмена социальными нормами стало то, что баи и купцы принадлежали к категории населения, положение которой определялось имущественным цензом – т. е. они находились в одной системе координат.

Поскольку речь зашла о грамотности и образовании, следует коснуться вклада некоторых представителей губернской администрации и купеческих меценатов в развитие образования для коренного населения.

На юге уже отмечалась тенденция к распространению с XIX в. грамотности среди представителей знати. Проекты создания учебных заведений для рядовых хакасов не находили у них отклика[170]. Особую роль организация образования играла для севера. Попытки организации образования в Туруханском регионе относятся к 1750[171], 1805 и 1861 гг.[172] Все они закончились неудачно, но в силу объективных причин.

Власти официальным путем попытались создать для инородцев институт интеграции. Основной причиной неудач считается недостаточное финансирование. Основные средства на содержание школ поступали от государства и некоторых жителей, в основном крестьян. Это означает, что личностная мотивация самих инородцев отсутствовала.

Можно говорить, что принципы личной мотивации не работали. В первую очередь отсутствовал принцип ценности, из-за чего инородцы

[170] Кузнецова А. А. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения) / Кузнецова А. А., Кулакова П. Е. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. С. 68

[171] Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207-1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011.. С.266.

[172] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 162; Третьяков П. Туруханский край // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 525–526.

изначально не стремились отдавать детей в подобные училища. Чтение, письмо и церковное пение, составлявшие основные изучаемые дисциплины не нашли бы применения в инородческих обществах, поскольку не применялись как во внутриродовых, так и внешних контактах. Принципы успеха и стимула у самих учеников полностью уничтожались нежеланием педагогов – в данном случае из духовенства – организовать процесс на должном уровне, незнанием языка и менталитета самих инородцев.

Исходя из этого, можно говорить, что распространение грамотности на севере необходимо для иных организаций. Основными целями, которые преследовались при организации – распространение христианства. Из этого следует вывод, что открытие школ способствовало бы реализации цели местного духовенства по христианизации инородцев. В пользу этого свидетельствует и то, что школы открывались при монастырях. Однако в этом случае инициатива и поиск средств для реализации этих проектов должны были исходить от представителей самого духовенства. Практика других регионов, например Тобольской губернии, показывает, что вопросы решались при непосредственном активном участии духовных лиц[173].

В этом заключалась главная проблема распространения православия регионе. Духовенство вступало в непосредственные контакты с коренным населением эпизодически – преимущественно при крещении. Особенно данная черта характерна для XVIII в. – времени поиска методов христианизации[174].

Сфера влияния организаций духовенства распространялась на населенные пункты[175]. Этому способствовала их зависимость от духовных учреждений. С учетом данной особенности в 1850-х гг. на территории

[173] Аблажей А. М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII – начале XX века: опыт теоретического комментирования // [Электронный ресурс]. URL: https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/4066/10.pdf. С. 67.

[174] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.): автореф. дисс. д-ра. ист. наук : 14.10.11 / Асочакова Валентина Нестеровна. Томск, 2011. С. 32.

[175] Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии / В. К. Андриевич. СПб.: типография и литография. В. В. Комарова, 1889. С. 184; Памятная книжка Енисейской губернии. СПб: Типография И. Огризко. 1863.

Туруханского края была предпринята попытка ввести походную церковь[176]. В отличие от якутского, туруханский опыт не увенчался успехом. Главной причиной этой неудачи стала невозможность введения мобильного духовного учреждения в условиях Туруханского края. Миссионеры большую часть времени находились Туруханске, совершая выезды в места проживания инородцев.

Вообще влияние миссионеров на инородцев было невысоким даже в середине XIX в.[177] Уже отмеченная высокая роль локальной замкнутости сказалась на восприятии коренными народами религиозных норм. Нганасаны оставались некрещенными на протяжении всего рассматриваемого периода[178]. Народы более близкие к российским административным центрам – селькупы, кеты были крещены уже к концу XVIII в.[179] Уровень развития родовых семейных и родовых хозяйств во многом определял степень готовности народов к христианизации. Нганасаны считались наиболее обеспеченным народом севера, в то время как остяцкие хозяйства часто признавались малоэффективными, а потому независимыми.

Другой важный момент заключается в отсутствии реальных практических знаний миссионеров о народах, которые им предстояло христианизировать. Это частично объясняется уже указанной тенденцией пополнения кадров духовенства выходцами из других регионов.

У коренных народов не вырабатывалось механизмов передачи религиозных норм от поколения к поколению. Большая часть крещенных воспринимала этот обряд как личный, детей же, как правило, не крестили. Их распространение происходило преимущественно в рамках общей теории и практики, без адаптации для коренных народов Приенисейского края.

---

[176] Выдрин Е. В. Туруханская походная церковь в системе подобных учреждений Севера Сибири / Е. В. Выдрин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. С. 182.

[177] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 312

[178] Симченко Ю. Б. Нганасаны // Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, С. 98.

[179] Лебедев В. В. Селькупы // Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука. С. 126.

По существу, организации духовенства обслуживали духовные учреждения и осуществляли контроль над их исполнением. В силу этого их нельзя считать полноценными субъектами в данном случае речь должна идти о локальных группах крестьянского и казачьего населения, поскольку взаимодействие было тесным именно с ними в силу непосредственной близости проживания. Отмечается, что большая часть крестьян рассматриваемого периода не была глубоко религиозной[180]. Кроме того, обеспечить должное распространение религии для жителей мелких станков по Енисею было физически невозможно.

На юге православие также распространялось миссионерами. Однако постоянно растущая плотность населения предопределила более тесное приобщение хакасов к христианским нормам. К концу рассматриваемого периода крещенными было около 2/3 инородцев. Вместе с тем, для более успешного протекания процесса были необходимы дополнительные стимулы[181]. На протяжении второй половины XVIII в. таким стимулом были льготы новокрещенным, в 1820-х – 1860-х гг. – ужесточение мер контроля. Считается, что только с учреждением Енисейской Епархии в 1861 г. Происходят реальные положительные сдвиги в политике христианизации.

Численность крещенных не свидетельствует в пользу реальных успехов христианизации. Во второй четверти XIX в. происходит массовый отказ хакасов от христианства. Многие инородцы, как и крестьяне не посещали богослужения[182].

Можно говорить, что распространение у коренных народов христианских норм поведения носило характер приписывания. Крещение не влекло за собой кардинальных перемен в социальных действиях, языческие и православные нормы продолжали сосуществовать. Случаи обращения

[180] Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. // [Электронный ресурс]: URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/1_1.html.

[181] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.): автореф. дисс. д-ра. ист. наук : 14.10.11 / Асочакова Валентина Нестеровна. Томск, 2011. С. 34.

[182] Кузнецова А. А. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения) / Кузнецова А. А., Кулакова П. Е. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. С. 49–54.

отдельных родов с просьбами о крещении свидетельствуют в пользу высокой роли их частных интересов[183]. Вместе с тем, эта особенность не даёт говорить о проявлении личностных начал.

В социальном взаимодействии с крестьянами у народов юга и севера оказались принципиально разные субъекты. В первом случае речь идет о государственных крестьянах-землевладельцах, во втором – о населении мелких станков, ведущих промысловое хозяйство.

На юге влияние в организации хозяйства оказывали крестьяне. Хакасские народы постепенно переходят к оседлому или полукочевому образу жизни[184]. Данный процесс проявляется в создании населенных пунктов, обустроенному по типу российских деревень.

Вместе с тем, жизнь инородцев в непосредственной близости с крестьянскими деревнями имела свои трудности. Прежде всего, с постепенным увеличением российского населения, хакасские народы выдавливались с мест традиционных кочевий[185]. Во-вторых, коренные народы несли многие повинности совместно с крестьянским населением, что не лучшим образом сказывалось на состоянии их хозяйств[186].

Вместе с тем, кочевые народы и крестьяне юга не были поставлены в одну систему координат, поскольку нормы землепользования принципиально отличались. Именно это служило причиной частых земельных споров.

Примеры оседания можно встретить и на севере – отдельные семьи остяков, неспособные вести самостоятельное кочевое хозяйство прибивались к российским поселениям[187]. Однако в большинстве случаев процесс оказывался прямо противоположным. Местные переселенцы, попадая в среду, малопригодную для земледелия лишался привычных адаптационных

---

[183] Выдрин Е. В. территория действия Туруханской православной миссии в 1850–1871 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. С. 119.
[184] Кузнецова А. А. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения) / Кузнецова А. А., Кулакова П. Е. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. С. 36.
[185] Бутанаев В. Я. Хакасы // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.–Улан-Удэ, 1995. С. 132, 134
[186] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.
[187] Алексеенко Е. А. Кеты / Е. А. Алексеенко. Л.: Наука, 1967. С. 76.

механизмов. Вследствие этого, они должны были приспосабливаться к среде и вырабатывать новые. Промысловые хозяйства коренных народов становились подходящим образцом, в силу чего именно эту модель воспринимали жители местных станков[188]. Таким образом, северное крестьянское и мещанское население станков составляло единственную категорию организаций, которая воспринимала быт и нормы коренных народов. Несмотря на то, что хозяйства этих жителей нельзя назвать успешно развивающимися, процесс усвоения ими новых норм можно охарактеризовать как достижение с максимальным подавлением личностных начал. Вместе с тем, обустройство жилищ и станков по типу деревень даёт понять, что кочевой характер хозяйствования ими воспринят не был. Следовательно, речь идет только об усвоении методов пополнения ресурсной базы.

Несколько особняком стоит также группа крестьян, входящая в состав долган[189]. Данная группа крестьян слилась выходцами из эвенков благодаря развиты межгрупповым бракам.

Примечательно, что попытка привить оседлость административным путем – указами о посадке картофеля и т.д. встречало полное непонимание со стороны коренных народов. Это подчеркивает недопустимость и неэффективность прививания норм сверху.

Вопрос о влиянии казаков на вовлечение коренных народов в систему социальных отношений – самый неоднозначный. С одной стороны, в силу своего служебного характера, казаки были главным сословием, контактирующим с северными коренными народами. Кроме того, казаки, особенно в XVIII в., были вынуждены идти на межсословные браки. Инородцы, как южные[190], так и северные[191] были вовлечены в этот процесс.

---

[188] Третьяков П. Туруханский край / П. Третьяков // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 368.

[189] Гурвич И. С. Северные якуты и долганы // Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 193–194.

[190] Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.) : автореф. дисс. д-ра. ист. наук : 14.10.11 / Асочакова

Это было вызвано нестабильностью пополнения сословия новыми «кадрами». К тому же казаки составляли открытые организации. Вместе с тем, эпизодические контакты, в которых казаки реализовали собственные экономические интересы не позволяет говорить о стабильном обмене социальными нормами.

Таким образом, стабильные контакты между коренными народами и организациями российского населения сложились в местах их совместного проживания. К таким организациям принадлежали крестьянские и частично городские – мещане Туруханского края и купцы. Остальные организации вступали в контакты с коренными народами эпизодически, что не дало сформироваться механизмам усвоения распространяемых норм. Интеграционные институты были немногочисленны и во многом созданы административным путем.

Указанные особенности привели к тому, что основная модель усвоения норм происходила путем приписывания себе нового статуса в соответствующей системе отношений. При этом, оставаясь в пределах уже сложившейся системы хозяйствования, семьи ориентировались на те стандарты, которые позволили бы им обеспечить её функционирование. Следовательно, отбор норм для усвоения определялся каждой организацией в отдельности. Личностные начала при этом практически не играли роли.

Случаи эффективной обратной связи были обусловлены тем, что элементы организаций, между которыми устанавливался контакт, находились в схожих системах координат.

Валентина Нестеровна. Томск, 2011. С. 22; Кызыласов Л. Р. Хакасы и казаки (страницы истории Южной Сибири) // Вестник Московского университета. 1994. № 5. С. 38–39.

[191] Мифологические сказки и исторические предания нганасан / ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. С. 164.

2.2. Правонарушения в среде коренных народов Приенисейского края

После рассмотрения основных сфер и моделей социального взаимодействия необходимо проанализировать основные отклонения от норм. Данный анализ затрудняется отсутствием подробных сведений о ряде категорий правонарушений у северных народов, из-за чего нельзя будет сказать однозначно, претерпели ли они какую-либо эволюцию. Кроме того, до 1822 г. систематизированного делопроизводства по вопросам суда и следствия в отношении коренных народов не было, вследствие чего сведения о последней трети XVIII – начале XIX вв. урывочны.

Одной из наиболее распространенных категорий правонарушений можно считать кражи. В большинстве дел инородцы фигурируют в качестве преступников. Нередко к ним прибавляются соучастники из числа крестьян. По законам Российской Империи последних можно квалифицировать как «сообщников», т. е. людей, непосредственно помогающих в совершении преступлений[192]. Встречаются и инциденты, в которых инородцы фигурируют в качестве «укрывателей», причем приговоры по таким делам часто оправдательные[193]. Количество дел, в которых инородцы становятся потерпевшими невелико, в основном подобные случаи встречаются в жалобах и тяжбах о притеснениях со стороны переселенческого населения[194].

Пострадавшими становятся сами инородцы, если речь идет о кочевых народах. В случае, если нарушители – оседлые инородцы, то чаще всего их жертвами становятся крестьяне, мещане и купцы – реже. Это подтверждает вывод о тесной взаимосвязи системы хозяйствования и правонарушений

[192] Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1868. С. 3.
[193] КГКУ «ГАКК», Д. 68. Л. 6–7.
[194] КГКУ «ГАКК», Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

Объектами краж чаще всего становится скот или зерно, что характерно для кочевых инородцев[195]. Большой процент приходится на конокрадство. Это говорит о том, что преступления совершаются для обеспечения своего хозяйства. Среди оседлых инородцев распространены кражи денег[196]. Это подтверждает их приобщение к системе денежных отношений. Вместе с тем, среди краденых вещей оказываются предметы, напрямую не связанные с ведением хозяйства – очки, рубахи и пр.[197] Такие случаи дополняются сообщениями об их невыгодной продаже. Это говорит о том, что инородцы, хоть и знали о спросе у переселенцев на подобные вещи, но не представляли себе их реальной ценности. При этом ряд краж совершается при отягчающих обстоятельствах – со взломами замков, окон и т.п.[198].

Следствие по таким делам включает повальный обыск. В европейской части Российской империи данная форма существовала до реформ 1860-х гг., однако на территории Приенисейского края её можно было встретить и в 1870-е гг.[199]. Иногда розыск сводился к тому, что истец сам отправлялся к подозреваемому и забирал краденое.

Для северных народов письменно зафиксированных свидетельств данных правонарушений нет. Определенную информацию дает этнографический и фольклорный материал. Объектами хищений по данным фольклора становится охотничья добыча[200]. Нормы обычного права предусматривали способы регулирования этих противоречий между конфликтующими семьями путем её возврата.

Примечательно, что тесная взаимосвязь социально-правового поведения и хозяйственной организации проявилась в том, что эта категория преступлений перекликалась с незаконными разделами территории. У

---

[195] Кузнецова А. А. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения) / Кузнецова А. А., Кулакова П. Е. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. С. 21.
[196] КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 75. Л. 4–5; Д. 101. Л. 1–4.
[197] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
[198] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–2.
[199] КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 75. Л. 11.
[200] Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.–Л.: Наука, 1966. С. 284–289; Мифологические сказки и исторические предания нганасан / ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976. С. 161 .

северных народов присвоение чужой добычи приравнивалось к посягательству на охотничьи семейные наделы. Это приводило к ожесточенным вооруженным столкновениям. Последнее крупное столкновение между ненцами и энецко-эвенкийским союзом датируется 1849 / 1950 г.[201] Важным фактором таких нарушений становилось отсутствие четкого законодательного ограничения земельных наделов, занимаемых одной семьей бродячих инородцев. В силу того, что новый порядок был закреплен вследствие сражения, а не последующего правового вмешательства, можно предполагать, что данная сфера не имела официального регулирования.

На юге вопрос незаконных разделах земли стоял ещё более остро в силу неуклонно растущего населения. Вместе с тем, конфликты сглаживались там, где возникали инородческие поселения, идентичные российским.

Важно отметить, что нет оснований считать поземельные конфликты отличительной чертой межэтнических отношений. Хакасские народы одних управ занимали земли, принадлежавшие другим управам[202]. Схожие споры в процессе хозяйственного освоения региона возникали между всеми сословными группами переселенческого населения – казаками, крестьянами, горожанами и духовенством на протяжении последней трети XVIII – начале XIX вв.[203] Это было связано с повышенным функционированием адаптивных механизмов каждые сословия искали способы пополнения своей ресурсной базы.

Примечательно, что субъектами правонарушений становились не отдельные лица, а коллективы: хакасских семей с одной стороны и крестьянских общин – с другой. В силу этого определить роли в совершении

[201] Васильев В. И. Ненцы и энцы // // Этническая история народов Севера / ред. И. Я. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 76

[202] Бутанаев В. Я. Хакасы // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.–Улан-Удэ, 1995. С. 134 – 135.

[203] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 136, 150.

преступлений между их участниками невозможно. Объект правонарушений нельзя интерпретировать однозначно. С одной стороны, и те и другие занимали государственную землю. С другой – в крестьянских общинах существовали нормы земельных наделов, в то время как за инородцами была закреплена фактически вся незанятая земля[204]. Примечательно, что в земельных спорах с инородцами любых собственников земли власти часто становились на сторону первых[205]. Это было связано с тем, что инородцы должны были проживать на наиболее «породных» землях, чтобы иметь возможность выплаты ясака.

Убийства стали ещё одной категорией, которая тесно связана с системой хозяйствования. Помимо уже отмеченных убийств, совершенных в ходе борьбы за территорию, в Туруханском крае в XIX в. распространяется практика убийств, вызванных с массовым голодом и распространением неизвестных болезней[206]. Такие убийства сопровождались людоедством или жертвоприношениями. Важно, что в данном случае, что семья становилась и фактором и средой совершения преступлений – жертвами становились дети и жены, старшие родственники – зачинщиками, поскольку они выступали с инициативой убийств[207]. Голод служил смягчающим обстоятельством на суде. Примечательно, что указанные случаи не были установлены путем следствия, а стали известны случайно от иных лиц.

На основе письменных свидетельств о подозрении коренных народов в убийствах сложно сделать выводы, поскольку часто они остаются без итоговых заключений о решениях суда[208]. На их основе также сложно сделать выводы об обстоятельствах преступлений, мотивах и пр. можно

[204] Карих Е. В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. / Е. В. Карих // Вестник Томского государственного университета. 2008. С. 65.
[205] Дамешек Л.М. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. 2005.
[206] Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. С. 226, 391.
[207] Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1833. С. 5.
[208] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 68. Л. 14; Д. 101. Л. 5.

сказать, что жертвами оседлых инородцев числились представители сословий, занятых в сельском хозяйстве – крестьяне и казаки.

Самыми распространенными правонарушениями на юге становятся недоимки и отсутствие по месту жительства без причины. Во многом эти категории становятся взаимосвязанными во время развития золотопромышленности, поскольку большая часть сведений о невозвращении домой в положенные сроки связана с наймом на золотые прииски[209]. Впрочем отлучки без объективных причин также не стали редкостью для инородцев[210]. В данных правонарушениях, как правило, кроме самого нарушителя нет иных действующих лиц.

Недоимки часто были вызваны иными факторами. Чаще всего, они были вызваны несовершенством налогового законодательства, в рамках которого было возможно обложение всех, в т. ч. Недееспособных членов семьи[211]. Такие обстоятельства становились смягчающими и служили поводом для перераспределения налоговой нагрузки.

Распространение алкоголя, часто служило фактором, определившим распространение в инородческой среде такой категории правонарушений, как «буйство» и неповиновение[212]. Чаще всего жертвами становились должностные лица в органах самоуправления. Иногда такие правонарушения выходили за рамки инородческих обществ[213]. В любом случае, жертвами становились представители тех слоев населения, которые служили проводниками социально-правовых норм. Такие преступления обычно совершались без предварительного умысла или сговора. Субъектами становились инородцы. Вместе с тем, часто неповиновение и «буйство» происходили в общественных местах, госучреждениях, что служило дополнительным отягчающим обстоятельством.

---

[209] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 61. Л. 4–5; Д. 68. Л. 16–17;
[210] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 61. Л. 44–45; Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск, 1905. С. 21.
[211] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.
[212] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 3. Л. 42; Д. 100. Л. 29, 61.
[213] Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905. С. 21.

Развитие формальных должностных отношений в свою очередь предопределили появление нарушений в должностной среде. Прежде всего, такими преступлениями стала коррупция[214]. Уже была отмечена высокая роль в инородческих обществах должности письмоводителя. Борьба за это место часто велась противозаконными методами. Выявить субъектов преступления в данном случае проблематично. Однозначными зачинщиками по терминологии законодательства XIX в. являются инородцы, пытавшиеся подкупом склонить к избранию на соответствующую должность определенных людей. Чаще ими оказывались родственники. Вместе с тем, известны случаи успешных коррупционных действий, в силу того, что родовичи поддавались на подкуп. Примечательно, что средством подкупа являлся алкоголь. Согласие на избрание родовичи давали в нетрезвом состоянии, что в целом относится к отягчающим обстоятельствам. Вместе с тем, в силу указанной причины нельзя говорить, что преступление было свершено однозначно умышленно.

Другой негативной стороной формальных отношений стало формирование халатного отношения к исполняемым обязанностям[215]. Выше уже отмечалось небрежное отношение к делопроизводственной документации. Также часто избранные старосты не являлись в управу, выносили безосновательные решения и т.п. определить мотивы действия таких людей проблематично, в силу отсутствия более подробных данных.

Рассмотренные случаи позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, коренные народы были вовлечены в систему правонарушений в той степени, в какой это предусматривал уровень развития хозяйства. У северных народов семьи оставались устойчивыми организациями, вследствие чего они становились и факторами и средой совершения преступлений. На юге усиление личностного фактора можно выделить преимущественно у оседлых

[214] КГКУ «ГАКК». Ф. 296. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–3, 6.
[215] КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 56. Л. 102; Д. 68. Л. 62; Д. 100. Л. 8; Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905. С. 31–32.

инородцев. У кочевых народов, как и у северных, можно наблюдать преобладание коллективных начал.

Основными объектами преступлений – особенно ограблений и краж, становится то, что непосредственно может быть использовано в качестве ресурса для развития семейных организаций. Это подтверждает

Возрастание личностного фактора подтверждается появлением людей, которых можно назвать «неблагополучными». Так оседлый инородец А. Н. Болтин ведения Качинской инородной управы был замечен не менее чем в трех кражах, совершенных за 1876 г.[216]. Ясачный Аскыров в разные годы наказывался розгами за домогательства, буйство, неподчинение распоряжениям управы, кражи[217] и т. д. Наблюдается даже некоторая специализация на отдельных видах правонарушений.

Методы следствия во многом сохранились от более ранних времен. Дознание сопровождается телесными истязаниями. На протяжении всего рассматриваемого периода не происходит их эволюции, можно говорить только о снижении публичности наказаний, поскольку об этом могли донести. На севере судопроизводство межродовых противоречий оставалось коллективным, несмотря на закрепление соответствующих функций за князцами. Развитие самоуправления у крестьян не улучшило сыск, поскольку часто волостные органы бездействовали. Отсутствие систематического контроля со стороны госучреждений привело к тому, что многие правонарушения оставались неизвестными. Таким образом можно отметить, что сформированные интегративные институты оказывались неэффективным в регулировании социально-правовых отношений коренных народов.

Сами правонарушения также не претерпевают качественных изменений. Новые системы взаимоотношений повлекли появление новых

[216] КГКУ «ГАКК». Ф. 296 Оп. 1. Д. 75. Л. 1, 4–7, 10, 11; Д. 101. Л. 1–4.
[217] Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905. С. 20–21.

преступлений. Помимо указанной халатности, у южных народов, очевидно под воздействием православия, появляется «покушение на самоубийство»[218].

На юге основными факторами правонарушений становятся также алкоголь и неграмотность. Это происходит вследствие отсутствия к у семей механизмов усвоения необходимых норм. Впрочем, можно отметить и нечеткость законодательства, которая определила возникновение противоречий в тех сферах, где наблюдаются процессы сближения.

[218] Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905. С. 21.

Заключение

В рамках данного исследования была предпринята попытка выявления основных моделей усвоения российских социальных норм коренными народами Приенисейского региона и объяснения его ведущих факторов.

На протяжении всего рассматриваемого периода происходит формирование организаций. У коренных народов это связано с непрерывным (хоть и не всегда равномерным) ростом численности и последующим расселением. Для российского населения фактором стала неорганизованность административного пространства в регионе. В последней трети XVIII – первой четверти XIX вв. происходит постепенное оформление региона в отдельный административный субъект, хотя окончательно оно завершается только в 1861 г. в последующий период происходит формирование относительно единого внутреннего пространства.

Вместе с тем, российское социальное пространство на территории Приенисейского края нельзя считать единым. Оно распадается на локальные группировки. Российские организации на территории края были закрытыми. Многие из них также были нацелены на удовлетворение собственных ресурсных потребностей. Процесс непрерывного формирования среды привел к локальным ограничениям сферы влияния российских организаций, а это, в свою очередь лишило их устойчивых внешних контактов.

Российские социальные «организации» не были равноценны. Одни из них имели профессиональный характер, другие – сословный, именно их носителями выступали рассмотренные «организации». Эффективность взаимоотношений подрывалась отсутствием соответствующих слоев у большинства коренных народов. Исключение составила знатная прослойка, поскольку её характеристики походили на характеристики российского купечества.

Постоянный процесс формирования коренных организаций привел к высокой роли адаптивных механизмов и их преобладанию над

интегративными. Вследствие этого подавляющее большинство семей из контактов с иными организациями стремилось извлечь те нормы, которые способствовали бы развитию их ресурсной базы.

Институты и механизмы интеграции в общее социальное пространство оставались российскими. Исключение составило взаимодействие с жителями мелких станков Туруханского края, поскольку здесь у российского населения возникла необходимость формирования принципиально новых механизмов адаптации.

Механизмы усвоения были целиком подчинены нуждам хозяйствования. Ведущую роль в этом процессе играла семья, в то время как образование религия и правовое регулирование не оказывали влияния на социальные процессы.

Таким образом, основной целью организаций коренных народов был поиск наиболее рациональных взаимоотношений, в рамках которых произойдет укрепление хозяйства. Появление народов, организации которых оказывались достаточно обеспеченными приводило к их изоляции от взаимодействия с российскими организациями, как это было с нганасанами.

Вследствие указанных причин усвоение новых норм происходило преимущественно путем приписывания новых социальных статусов. В большинстве сфер не наблюдается реальных качественных перемен. При этом, в силу прямой зависимости контактов от уровня развития хозяйства, происходило усвоение отдельных стандартов, а не всей системы отношений целиком. Этому способствовало и то, что коренные организации были вовлечены в контакты с российскими организациями неравномерно. Ведущая роль принадлежала экономически активным организациям.

Также можно отметить низкую долю личностного фактора в действиях коренных организаций. В силу высокой роли локальной ограниченности, высокая роль личности прослеживается в местах непосредственного соприкосновения с российскими организациями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опубликованные источники

1.1. Нормативно-правовые акты

1.1.1. Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1832.

1.1.2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1649–1825) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека РНБ. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 [дата обращения 26.05.2019].

1.1.3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека РНБ. Режим доступа: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=263 [дата обращения 26.05.2019].

1.1.4. Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб. 1847.

1.1.5. Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. Харьков, 1869.

1.1.6. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876.

1.1.7. Сперанский М. М. Устав об управлении инородцев. [Электронный ресурс]. URL: http://iltumen.ru/node/576 [дата обращения 03.12.18].

1.1.8. Законодательные акты Александра III [Электронный ресурс]. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/section/68196

1.1.9. Законодательство императрицы Екатерины II. 1783–1796 годы / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 272 с.

1.1.10. Законодательство императора Павла I / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2008. 304 с.

1.1.11. Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / ред. В. А. Томсинов. М.: Зерцало,

2008. X + 532 с.

1.1.12. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Том III–V. СПб., 1841 г. 614 с.

1.1.13. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Том IV. СПб., 1836. 48 с.

1.2. Статистические материалы

1.2.1. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб.: издание хозяйственного департамента министерства внутренних дел. 1882.

1.2.2. Памятная книжка Енисейской губернии. СПб., 1863.

1.2.3. Дело по донесению енисейского гражданского губернатора об обозрении им Енисейской губернии [Электронный ресурс]. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/item/680530 [дата обращения 21.01.19].

1.2.4. Этнографические сведения о Новосельской волости Минусинского уезда Енисейской губернии [Электронный ресурс]. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/item/680847 [дата обращения 15.09.18].

1.3. Периодика

1.3.1. Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1829–1861.

1.4. Фольклорные материалы

1.4.1. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / ред. Г. М. Василевич. М.–Л.: Наука, 1966.

1.4.2. Мифологические сказки и исторические предания нганасан / ред. Б. О. Долгих. М.: Наука, 1976.

1.4.3. Мифы, предания, сказки кетов / ред. Е. С. Новик М., 2001.

1.4.4. Фольклор долган / ред. П.Е. Ефремов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 448 с.

1.4.5. Фольклор ненцев. В записях 1911, 1937, 1946, 1953, 1965–1987 годов / ред. Е. Т. Пушкарёва, Л. В. Хомич Новосибирск, 2001.

2. **Архивные материалы**

Государственный Архив Красноярского края (КГКУ «ГАКК»)

2.1. Ф. 117 «Туруханское отдельное управление» Оп. 1.

2.2. Ф. 122 «Красноярская ратуша» Оп. 1.

2.3. Ф. 173 «Красноярская городская дума».

2.4. Ф. 296 «Качинская инородная управа» Оп. 1.

2.5. Ф. 303 «Качинская степная дума» Оп. 1.

2.6. Ф. 466 «Лузинский хлебозапасный складочный казенный магазин Дудинского участка Туруханского края Енисейской губернии» Оп. 1.

2.7. Ф. 595 «Енисейское губернское правление» Оп. 30, 31, 39.

Литература

1. Аблажей А. М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII – начале XX века: опыт теоретического комментирования / А. М. Аблажей // [Электронный ресурс]. URL: https://nsu.ru/xmlui/bitstream/handle/nsu/4066/10.pdf [дата обращения 07.08.18].

2. Алексеенко Е. А. Кеты / Е. А. Алексеенко. Л.: Наука, 1967. 264 с.

3. Андреев С. М. Станичное самоуправление в Сибирском казачьем войске в дореформенный период / С. М. Андреев // Актуальные проблемы управления: теория, методология, культура, модернизация, ресурсы: Сборник матер. Межрегион. НПК. 2004. Ч. 1. С.194–198.

4. Андреев С. М. Управление в Сибирском линейном казачьем войске в пореформенный период / С. М. Андреев // Военно-юридический журнал. 2006. № 9. С. 28–31.

5. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г. / В. К. Андриевич. СПб.: типография и литография В. В. Комарова. 1889. 298 с.

6. Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Период с 1806 по 1819 г. / В. К. Андриевич. СПб.: типография и литография. В. В. Комарова. 1889.

425 с.

7. Андюсев Б. Е. Традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX вв. : автореф. дисс. канд. ист. наук : 07.00.02. / Андюсев Борис Ермолаевич. Красноярск, 2002. 18 с.

8. Асочакова В. Н. Эволюция сословно-классовой структуры населения Хакасско-Минусинского края в контексте политики христианизации (XVIII в. – начало XIX вв.) / В. Н. Асочакова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 9 (99). С. 5–11.

9. Асочакова В. Н. Западносибирская модель христианизации: характер, механизм, особенности (на примере Хакасско-Минусинского края в XVII–XIX вв.) : автореф. Дисс. Д-ра. Ист. Наук : 14.10.11 / Асочакова Валентина Нестеровна. Томск, 2011. 43 с.

10. Бутанаев В. Я. Хакасы / В. Я. Бутанаев // Сибирь: этносы и культуры (народы Сибири в XIX в.). М.–Улан-Удэ, 1995.

11. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. / Г. Ф. Быконя. Новосибирск: Наука, 1981.

12. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.: (Формирование военно-бюрократического дворянства) / Г. Ф. Быконя. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1985. 298 с.

13. Быконя Г. Ф. Казачество и другое служебное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX в. (демографо-сословный аспект) / Г. Ф. Быконя. Красноярск: Издательство КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. 416 с.

14. Быстраков Д. А. Демографические процессы среди коренных народов Сибири / Д. А. Быстраков // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XL международной студенческой НПК. № 3(39). [Электронный ресурс]. URL: https://sibac.info/archive/social/3(39).pdf [дата обращения: 02.05.2019].

15. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки

(XVIII – начало XX в.) / Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1969.

16. Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей / В. И. Васильев. М.: Наука, 1979. 243 с.

17. Васильев В. И. Проблемы этногенеза и этнической истории народов севера (на самодийских материалах) / И. В. Васильев // [Электронный ресурс]. URL : http://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1977/no4/1977_4_003_Vasilev.pdf [дата обращения: 05.03.19].

18. Выдрин Е. В. территория действия Туруханской православной миссии в 1850–1871 гг. / Е. В. Выдрин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011. С. 118–121.

19. Выдрин Е. В. Туруханская походная церковь в системе подобных учреждений Севера Сибири / Е. В. Выдрин // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2014. С. 180–183.

20. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Т. 1–3 / Ю. А. Гагемейстер. СПб., 1854.

21. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть вторая: о народах татарского племени / И. Г. Георги. СПб.: издательство Императорской Академии Наук, 1799. 246 с.

22. Гоголев П. В. О некоторых аспектах правового развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX века) / П. В. Гоголев, А. Э. Маякунов // Право и государство: теория и практика. 2014.

23. Головачев П. Сибирь в Екатерининской комиссии / П. Головачев. М.: Типография В. Ф. Рихтера, 1889. 127 с.

24. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнев. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

25. Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра / Г. Н. Грачева. Л.: Наука, 1983. 174 с.

26. Григорьев Д. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края / Д. Ю. Григорьев. СПб.: Типография М. Стасюлевича. 1906.

27. Даймонд Д. М. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ / Д. М. Даймонд. М., 2010. 752 с.

28. Даймонд Д. М. Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают / Д. М. Даймонд. М., 2008. 762 с.

29. Дамешек И. Л. Чиновничество как «высший» класс сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь / И. Л. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (4). С. 48–55.

30. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX начале XX вв. / Л. М. Дамешек. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1983. 136 с.

31. Дамешек Л. М. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек. Иркутск: Издательство ИГУ, 2014. 303 с.

32. Дамешек Л. М. Степные думы Сибири: исторический опыт самоуправления в имперской системе власти / А. А. Борисов, Л. М. Дамешек // Известия Иркутского государственного университета. 2011. № 1 (6). С. 123–135.

33. Дёмин М. А. Коренные народы Сибири в русской историографии конца XVI первой трети XVIII вв. / М. А. Дёмин. Барнаул, 1997. 556 с.

34. Деревскова В. Д. Вопросы реформирования судебной системы коренных народов Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / В. Д. Деревскова // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 7. С. 69–78.

35. Долгих Б. О. Кеты / Б. О. Долгих М. Иркутск: ОГИЗ, 1934.

36. Долгих Б. О. Социальная организация и культура народов Севера

/ Б. О. Долгих. М.: Наука, 1974. 292 с.

37. Дулов А. В. Эволюция верований народов Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. / А. В. Дулов // [Электронный ресурс]: URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publcations/sb-confess/1_1.html [дата обращения 20.06.19].

38. Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории. VII краеведческие чтения / ред. Н. Л. Казачкина, С. А. Кудряшова. Красноярск: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2012. 244 с.

39. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

40. Желтова В. П. Иванова Н. А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века) / В. П. Желтова, Н. А. Иванова. М.: Новый хронограф, Институт российской истории. 2010. 752 с.

41. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.) / В. А. Зибарев. Томск: Издательство Томского университета, 1990. 208 с.

42. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. / Э. П. Зиннер. Иркутск: Восточносибирское книжное издательство, 1968.

43. Зинченко Т. Енисейская губерния / Т. Зинченко. Полтава: Типография И. Фришберга. 1911. 25 с.

44. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX в.) / В. А. Безруких, Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова. Красноярск: РАСТР, 2012. 240 с..

45. Исаакова Н. В. Культура народов Севера: Философско-социологический анализ. Новосибирск: Наука, 1989. 208 с.

46. Ислаев Ф. Татары в Екатерининской уложенной комиссии 1767-1768 гг. / Ф. Ислаев // Эхо веков. 2003. № 3/4. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/02/02_4/.

47. Карчаева Т. Г. Штаты и численность Енисейской губернской администрации (1822-1917 гг.) / Т. Г. Карчаева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. № 2. С. 28–38.

48. Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822 – 1917 гг.). автореф. дисс. канд. ист. наук. : 07.00.02 / Карчаева Татьяна Геннадьевна. Иркутск, 2013.

49. Катцина Т. Ф. Материальное положение православного духовенства Енисейской губернии (1820–1861 гг.) / Е. В. Болонкина, Т. Ф. Катцина, В. И. Федорченко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23). С. 44–47.

50. Квашнин Ю. Н. Ненецкое оленеводство в XX – начале XIX века / Ю. Н. Квашнин. Тюмень: Колесо, 2009. 168 с.

51. Коваляшкина Е. П. «Инородческий вопрос» в Сибири: Концепции государственной политики и областническая мысль / Е. П. Коваляшкина. Томск, 2005. 326 с.

52. Колупаев Д. В. Образование в поселениях сибирского казачества во второй половине XIX в. / Д. В. Колупаев // Известия Алтайского государственного университета. 2008. С. 106–112.

53. Колупаев Д. В. Сибирское казачье войско: территория и управление / Д. В. Колупаев // Известия Алтайского государственного университета. 2008. С. 102–105

54. Комлева Е. В. Из истории миссионерства в Туруханском крае: дело об устройстве Троицкой походной церкви (середина XIX в.) / Е. В. Комлева // Известия Иркутского государственного университета. 2017. Т. 19. С. 15–22.

55. Комлева Е. В. Приенисейские города в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: тенденции развития, численность и социальный состав населения / Е. В. Комлева // [Электронный ресурс]: Сибирь капиталистическая. URL: http://sibistorik.narod.ru/project/kotel/006.html (дата

обращения: 29.02.19).

56. Коновалов И. А. Сибирская полицейская бюрократия в государственном аппарате абсолютизма в первой половине XIX в. / И. А. Коновалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 400–413.

57. Коновалов И. А. Особенности сибирской полицейской бюрократии в пореформенный период / И. А. Коновалов // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № . С.

58. Корусенко С. Н. Сибирские бухарцы: динамика численности и расселение (XVII–XX вв.) / С. Н. Корусенко // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. С. 485–491.

59. Корусенко С. Н. Волость как инструмент сохранения идентичности группы (на примере сибирских бухарцев) / С. Н. Корусенко, Ф. Ф. Марганова // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. № 2 (10). С. 196–206.

60. Костров Н. Бельтиры / Н. Костров // Енисейские губернские ведомости. 1858. № 49. С. 75–85.

61. Кошелева А. Л. Исторические предания хакасов, записанные Н. Ф. Катановым (1889–1902 гг.): жанрово-стилистическое многообразие, типология / А. Л. Кошелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (70). Ч. 1. С. 40–44.

62. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь / М. Ф. Кривошапкин. СПб.: издание Императорского Русского географического общества, на иждивении В. А. Кокорева, 1865. 650 с.

63. Кузнецова А. А. Кулакова П. Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения) / А. А. Кузнецова, П. Е. Кулакова. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898.

64. Кызыласов Л. Р. Хакасы и казаки (страницы истории Южной Сибири) / Л. Р. Кызыласов // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 5. С. 32–41.

65. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края 1594–1893 годов / А. И. Кытманов. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.

66. Лаппо Д. Е. Преступление и наказание по степному праву сибирских кочевых инородцев (минусинские татары). Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1905.

67. Латкин Н. В. Енисейская губерния. Ее прошлое и настоящее / Н. В. Латкин. СПб.: типография и литография В. А. Тиханова, 1892. 467 с.

68. Марченко В. Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России / В. Г. Марченко. Томск, 1985.

69. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк / Н. А. Миненко. Новосибирск: Наука, 1975. 305 с.

70. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) / Б. Н. Миронов. Том 1. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2000. 548 с.

71. Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае / А. Мордвинов // Вестник Императорского Русского географического общества. 1860. Ч. XXVIII. С. 25–64.

72. Наумкина В. В. Обычай как источник права. Красноярск, 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://sci-book.com/prava-gosudarstva-teoriya/obyichay-kak-istochnik-prava-naumkina.html [дата обращения 30.03.19].

73. Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии: 60-е гг. XIX – начало XX вв. : автореф. Дисс. Канд. Ист. Наук. : 07.00.02 / Никифорова Ирина Олеговна. Красноярск, 2000. 27 с.

74. Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова / ред. А. В. Алесандров. М.: Наука, 1967.

75. Орешкова Ю. А. Архивные документы степных дум и инородческих управ как источник по исследованию органов местного самоуправления на территории Хакасии XIX – начала XX вв. / Ю. А.

Орешкова // [Электронный ресурс]. URL: https://arhiv.r-19.ru/upload/iblock/a74/a7468535dc1c6890036c4da33ee0e52d.pdf [дата обращения: 24.03.19].

76. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года / И. Пестов. М.: Университетская типография, 1833. 298 с.

77. Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века / Л. Ф. Писарькова // Человек. 1995. № 3. С. 121 – 139. [Электронный ресурс]: История Государства. URL: https://statehistory.ru/4708/Rossiyskiy-chinovnik-na-sluzhbe-v-kontse-XVIII---pervoy-polovine-XIX-veka/#[10] [дата обращения: 14.04.19].

78. Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Ч. 2. / А. А. Попов. Л., 1984. [Электронный ресурс]. URL: https://0lesja-0lgerd.livejournal.com/92242.html [дата обращения: 17.02.19].

79. Попов А. А. Материалы по родовому строю долган [Электронный ресурс]. URL: http://www.sakhamemory.ru/liter/book/dolganika/19.pdf [дата обращения 16.11/18]

80. Прутченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1899.

81. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 193 с.

82. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков / А. В. Ремнев. Омск: Новое литературное обозрение, 1995. 252 с.

83. Самарина Е. В. Хозяйственная и предпринимательская деятельность баев в XIX веке / Е. В. Самарина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (186). С. 41–45.

84. Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред. Л. М. Дамешек,

А. В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

85. Синельников Н. А. Енисейские остяки по сведениям и измерениям В. И. Анучина / ред. Д. Н. Анучин. М: типо-литография И. Н. Кушнерев и Ко. 1911.

86. Скобелев С. Г. Демография коренных народов Сибири в XVII–XX вв. Колебания численности и их причины. Новосибирск: Новосибирский университет, 1998. 56 с.

87. Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. Часть 1 (Край до русских, русское завоевание, хозяйство и быт в XVII и XVIII веках) / В. А. Смирнов. Красноярск: Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества, 1926.

88. Смирнов В. А. Исторический очерк Приенисейского края. Часть 2 (Учреждение Енисейской губернии, население и колонизация в 19 веке, хозяйственная эволюция Приенисейского края в XIX веке) / В. А. Смирнов. Красноярск: Бюро краеведения при Красноярском отделе Русского географического общества, 1928.

89. Степанов А. П. Енисейская губерния. Ч. 1–2 / А. П. Степанов. СПб.: типография Конрада Вигеберга, 1835. 276 с. + 139 с.

90. Третьяков П. Туруханский край / П. Третьяков // Записки императорского Русского географического общества. Т. 2. 1869. С. 215–530.

91. Туман-Никифорова И. О. Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. О. Туман-Никифорова, Н. В. Чеберяк // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 9. С. 224–230.

92. Туман-Никифорова И. О. Социальная мобильность купеческого сословия (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И. О. Туман-Никифорова // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 11. С. 315–321.

93. Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX века) / М. М. Федоров. Иркутск: Издательство

Иркутского университета, 1978. 208 с.

94. Хомич Л. В. Ненцы. Историко-географические очерки / Л. В. Хомич. М.–Л.: Наука, 1966.

95. Хоменко Д. Ю. Межэтнические отношения между коренным и русским населением на юге Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. Ю. Хоменко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2013. № 2. С. 270–275.

96. Шангин А. М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов / М. А. Шангин // [Электронный ресурс]. URL: http://www.igpran.ru/trudy/vypuski/2009/2009-4/158-168.pdf [дата обращения 17.12.18]

97. Шанин В. Я. Енисейская летопись. Хронологический перечень важнейших дат и событий из истории Приенисейского края. 1207–1834 гг. / В. Я. Шанин. Красноярск: Тренд, 2011. 448 с.

98. Щеглов И. В. Перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. / И. В. Щеглов. Иркутск: Издательство Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1889. 784 с.

99. Этническая история народов Севера / ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982.

100. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея / Е. К. Яковлев. Т. 1–3. Минусинск: Типография В. И. Корнакова, 1990.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А (начало)

Социальный состав и численность городского населения во второй половине XVIII – последней трети XIX вв.

Таблица А.1

Социальный состав городского населения в Приенисейском крае в последней трети XVIII вв.[219]

Категория населения	Город			
	Ачинск	Енисейск	Красноярск	Туруханск
Дворяне	-	54	38	15
Чиновники	-	-	8	-
Духовные лица (с семьями)	8	50	50	17
Купцы и почетные граждане	-	265	74	13
Мещане	42	675	165	69
Цеховые	-	494	-	13
Крестьяне	418	496	517	100
Военные на срочной службе	-	136	325	118
Воинские чины и солдатские семейства	15	-	19	-
Казаки (с семьями)	-	-	-	-
Инородцы	-	-	-	-
Разночинцы	10	3	-	-
Ссыльно-поселенцы (с семьями)	-	-	-	-
Иностранные подданные	-	-	-	-

Таблица А. 2

Социальный состав городского населения Енисейской губернии в середине начале 1820-х гг.

Категория населения	Город					
	Ачинск	Енисейск	Канск	Красноярск	Минусинск	Туруханск
Дворяне	7	51	-	5	-	-
Чиновники	48	119	44	697	35	2
Городовые казаки						
Духовные лица (с семьями)	21	192	21	50	17	4
Купцы и почетные граждане	6	97	-	67	-	-

[219] Комлева Е. В. Приенисейские города в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: тенденции развития, численность и социальный состав населения // [Электронный ресурс]: Сибирь капиталистическая. URL: http://sibistorik.narod.ru/project/kotel/006.html.

Мещане	877	4343	-	1749	-	34
Цеховые	-	-	-	-	-	-
Крестьяне	512	359	768	120	774	?
Военные на срочной службе	129	185	146	612	125	?
Воинские чины и солдатские семейства	-	-	-	-	-	-
Инородцы	2	7	-	-	-	-
Разночинцы	17	237	-	23	-	-
Ссыльно-поселенцы (с семьями)	-	154	48	398	161	?
Иностранные подданные	-	-	-	-	-	-

Таблица А.3

Социальный состав городского населения в Енисейской губернии в конце 1870-х гг. [220]

Категория населения	Город					
	Ачинск	Енисейск	Канск	Красноярск	Минусинск	Туруханск
Дворяне потомственные	32	60	17	429	45	-
Личные дворяне и чиновники	134	73	164	1141	51	14
Духовные лица (с семьями)	21	87	27	260	32	6
Купцы и почетные граждане	138	456	369	418	246	-
Мещане	2703	4195	1328	4430	3631	48
Крестьяне	510	1239	193	1994	448	27
Военные на срочной службе	182	126	220	990	185	-
Воинские чины и солдатские семейства	229	208	146	1038	102	-
Казаки (с семьями)	4	132	6	47	8	65
Инородцы	-	-	-	15	-	-
Разночинцы	-	256	-	309	-	-
Ссыльно-поселенцы (с семьями)	644	766	243	3390	252	21
Иностранные подданные	-	-	3	11	-	-

[220] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб: Издательство Хозяйственного департамента МВД. 1882. С. 216, 226, 232, 233, 239, 245, 246, 256.

Приложение Б

Численность и родовой состав коренных народов Туруханского края во второй половине XIX в.

Таблица Б. 1

Численность и родовой состав коренных народов Туруханского края во второй половине XIX в.

Народ	Род (управа)	Число жителей м / ж	Центр (приписаны инородцы)
Тунгусы (эвенки)	Подкаменно-Тунгусский род	65	Подкаменно-тунгуззский магазин
	Нижне-Чумский род	40 / 30	Подвижные магазины: Усть-Турыжский, Нижне-Чумский, Таймурский, Тайминский
	Илимпейский род	188 / 161	
	Чапогирский род	165 / 144	
	Усть-Тарыжский род	36 / 23	
	1 летняя управа		
	2 летняя управа	82 / 73	Авамский магазин
	3 летняя управа	52 / 29	Дудинский
	4 летняя управа	?	Карасинский, Плахинский / Мундуйский
	Боганидская управа	54 / 41	Савинский, Авмский магазины
Долганы	Долгано-Есейская Тунгусская управа	209 / 161	Савинский и Хатангский магазины
	Долгано-Жиганский + Долгано-Тунгусский	169 / 150	Дудинский магазин
Остяки (селькупы)	Подкаменно-тунгусская управа	44 / 21	Нет конкретных магазинов
	Верхнеинбатская управа	435 / 321	
	Нижнеинбатская управа		
	Баихинская управа	129 / 74	Баихинский магазин
Остяки (кеты)	Тазовский род	442	
	Карасинский род	46 / 35	Карасинский магазин
	Тымско-Караконская орда	269 / 211	-
Самоеды (энцы)	Хантайский род	146 / 109	Дудинский магазин
	Карасинский род		Савинский магазин
Самоеды (нганасаны)	Авамский род	202 / 242	Плахинский магазин
	Вадеевский род	47 / 66	Лузинский магазин
Юраки (ненцы)	Тазовская орда	420	Плахинский магазин
	Береговой род	37 / 30	Толстоносовский магазин
Якуты	Шорохинская управа	14 / 14	?
	Нижне-Затундринская управа	234 / 238	Хатангский магазин

Приложение В (начало)

Приговоры северных родов об избрании князцов

Источник В. 1

Избрание князцов Авамской (нганасанской) и Тазовской (ненецкой) Орд[221].

Общее управление Енисейского округа
20 Мая 1837
№ 715
Енисейск

Г. Туруханскому Отдельному Заседателю Кущевскому

Вследствие донесения Вашего Благородия от 17 марта за № 180 и 181 с приговорами тунгусов Туруханского края Авамской Самоядской и Тазовско-юратской Орды о избранных ими на место умершего князца Лаптукова и находящегося в болезни такового же [имя неразборчиво], входил я с представлением в Енисейское Губернское правление, которое ныне указом от 11 мая дало знать, что Г. Состоящий в должности Енисейского Гражданского Губернатора изволил утвердить в звание князцов: в первую Самоядина Латуранту, а во вторую оленистого юрака Ивана Лырмина.

О чем даю знать Вашему Благородию к должному со стороны Вашей распоряжению.

За Окружного начальника [подпись]

Источник В. 2

Избрание князца Хантайской инородной управы[222].

Общее управление Енисейского округа
Ответ на № 771 октября 1837
№ 1521
Енисейск

Г. Туруханскому Отдельному Заседателю Кущевскому

Вследствие донесения Вашего Благородия от 27го числа Августа с приговором инородцев Хантайской управы о избранном ими на место состоящего ныне князца Колтера Граластикова по старости его лет другого инородца Анкулея Оловина, входил я с представлением в Енисейское Губернское Правление, которое ныне указом от 20го октября дало знать, что Г., состоящий в должности Енисейского Гражданского Губернатора изволил утвердить в звание князца инородца Оловина.

О чем даю знать Вашему Благородию к должному со стороны Вашей распоряжению.

Окружной начальник [подпись]

[221] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 793. Л. 3–4.
[222] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 793. Л. 9

Приложение В (продолжение)

Источник В. 3

Избрание князца Чапогирской Орды[223]

Общее управление Енисейского округа
Ответ на № 295
Июля 1838 года
№ 855
Енисейск

Г. Туруханскому Отдельному Заседателю Кущевскому

Вследствие донесения Вашего Благородия от 17 числа марта за с приговором инородцев Чапогирской Тунгуской Орды о избранном ими на место умершего князца Дальчауля другого тунгуса Лабзяуля входил я с представлением в Енисейское Губернское Правление, которое ныне указом от 27 ч. Июня дало знать, что Господин Гражданский губернатор изволил утвердить в звании князца Тунгуса Лабзяуля.

О чем извещаю Ваше Благородию к должному со стороны Вашей распоряжению.

Окружной начальник [подпись]

Источник В. 4

Избрание князца Долганской Тунгуской Орды[224]

Общее управление Енисейского округа
Сентябрь 1838
№ 1216
Енисейск

Г. Туруханскому Отдельному Заседателю

Вследствие донесения Вашего Благородия от 18 числа июля Г. окружной начальник входил представлением в Енисейское Губернское Правление приговора родовичей Долганской Тунгуской Орды о избранном в князцы родовиче Чильчикане Сахатине на место умершего Князца Амака, от которого [текст поврежден] препровождаю засвидетельствованную копию вместе с обращением подлинного приговора, предписываю дополнить его чем следует, который доставить ко мне в самом скорейшем времени, на будущее время при представлении приговоров обязаны соблюдать установленный порядок .

Исправляющий должность Окружной начальник [подпись]

[223] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 803. Л. 10.
[224] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 803. Л. 20.

Приложение В (конец)

Источник В. 5.

Избрание князца Нижнеинбатской управы[225]

Общее управление Енисейского округа
Ответ на № 961
Ноября 1838
№ 1416
Енисейск

Г. Туруханскому Отдельному Заседателю Кущевскому

Представленный при донесении Вашего Благородия от 29 ч. Сентября приговор Нижнеинбатских остяков о избранном ими вместо состоящего должности Князца Данила Муксунова, оказавшегося неспособным в таковую должность Василия Липатова Моксунова, обращая при сем обратно, предписываю дополнить [текст поврежден] посланному от меня к Вам в копии при предписании 22 ч. Сентября сего года за № 1216.

Исправляющий должность Окружной начальник [подпись]

Источник В. 6

Избрание князца Подкаменской управы[226]

27 июня
№ 395

Господину Енисейскому окружному Начальнику

Полученный мной от инородцев Подкаменской остяцкой управы приговор о вновь избранном ими на место умершего Князца Ивана Буняева в должность князца остяка Константина Самсонова Каменских, при сем Вашему Высокоблагородию представляю покорнейше прошу о утверждении князцом Остяка Каменских и составить распоряжение и в разрешение того снабдить меня предписанием.

[225] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 803. Л. 27.
[226] КГКУ «ГАКК». Ф. 117. Оп. 1. Д. 758. Л. 16.

Приложение Г

Системы государственного управления и самоуправления инородцев в Сибири в XIX в.

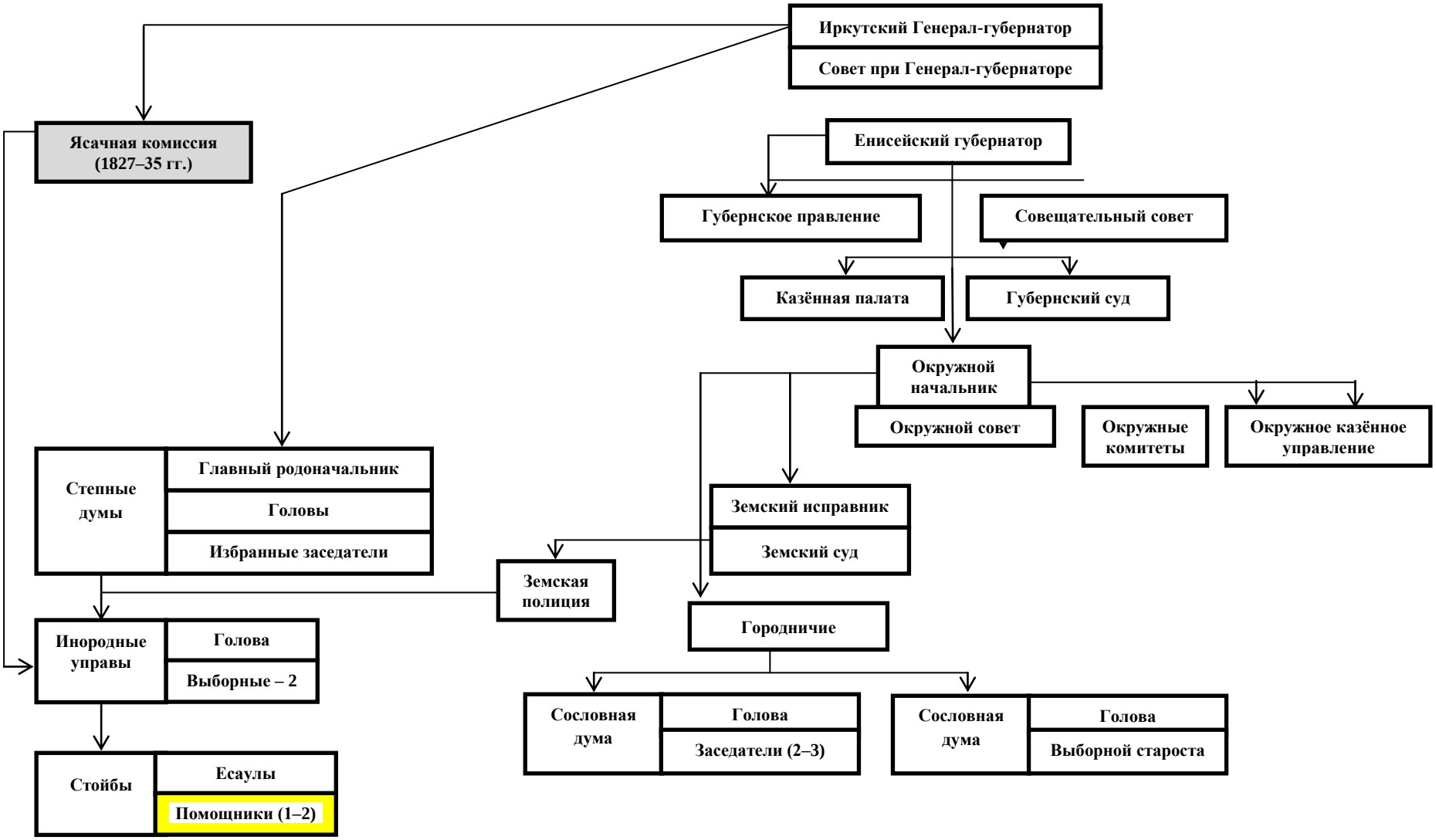

Схема Г. 1. Схема государственного управления и самоуправления инородцев в Сибири в первой половине XIX в.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Гуманитарный институт
Кафедра истории России

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ М.Ф. Севрюков
подпись инициалы, фамилия
« 12 » июля 2019 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

46.04.01– «История»
46.04.01.03 – «Отечественная история»

Особенности восприятия коренными народами Приенисейского края российских социальных норм в 1762–1881 гг.

Руководитель _____ 12.01.19 канд. ист. наук, профессор Б. Е. Андюсев
подпись, дата

Выпускник _____ 12.01.19 Е. А. Ковалев
подпись, дата

Красноярск 2019